

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ГОЛУБЕВА Екатерина Ивановна

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Специальность 10.01.01 – Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
ВОРОПАЕВ Владимир Алексеевич

Москва 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1 глава	
Библия и русская литература	14
§ 1. Священное Писание в жизни Н.В. Гоголя.....	14
§ 2. Н.В. Гоголь и традиция обращения русских писателей к Библии.....	24
2 глава	
Карандашные пометы Н.В. Гоголя на Библии 1820 года издания	30
§ 1. Из истории изучения помет.....	30
§ 2. Новонайденные автографы на Библии.....	36
§ 3. О смысловом сходстве помет Н.В. Гоголя с библейским текстом в произведениях писателя.....	41
3 глава	
Библейский текст в ранней прозе Н.В. Гоголя (1828–1842)	46
§ 1. «Мне отмщение, Аз воздам» (Рим. 12: 19). Тема отмщения в повести «Страшная месть» и ее библейские параллели.....	46
§ 2. «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы» (Лк.12: 2). Евангельские параллели в повести «Нос».....	49
§ 3. «Мирись с соперником своим скорее» (Мф. 5: 25). Тема прощения в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».....	53
§ 4. «Не участвуйте в делах тьмы» (Еф. 5: 11). О смысле финала повести «Вий».....	57

4 глава	
Особенности библейского текста в позднем творчестве Н.В. Гоголя (1842–1852)	63
§ 1. Библейские реминисценции в повести «Шинель».....	63
§ 2. Образ дороги в поэме «Мертвые души»: библейский контекст.....	70
§ 3. Библейский текст в «Выбранных местах из переписки с друзьями».....	79
5 глава	
Эволюция библейского текста в творчестве Н.В. Гоголя	85
§ 1. Библейский текст в свете этико-религиозных воззрений Н.В. Гоголя.....	85
§ 2. «Сквозные» библейские мотивы в творчестве Н.В. Гоголя	92
Заключение	105
Список сокращений книг Библии	110
Библиография	112

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в отечественном литературоведении интенсивно развивается направление, связанное с изучением влияния Библии на творчество русских писателей. Ежегодно проходит международная конференция «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр», материалы которой публикуются с 1990 г. в серийном научном издании «Проблемы исторической поэтики». Были изданы исследования, посвященные роли Священного Писания в жизни и творчестве русских классиков: В.А. Жуковского [Новый Завет... 2008], Ф.М. Достоевского [Евангелие Достоевского 2010], Л.Н. Толстого [Кириченко 2008], Н.В. Гоголя [Воропаев 2013; Гольденберг 2014; Денисов 2012; Михед 1997 и др.] и других писателей. Данная диссертация продолжает развивать это научное направление.

Объектом исследования является творческое наследие Гоголя. Предметом изучения выступает библейский текст в его творчестве, который может быть представлен в виде цитат, аллюзий, реминисценций, карандашных помет писателя на принадлежащей ему Библии, мотивов, сюжетов, отзвуков и многого другого.

В диссертационной работе предложена целостная картина библейского текста в творчестве Гоголя, предпринята попытка выявить его различные виды, занимающие особое место в структуре гоголевских произведений и имеющие важное значение для их интерпретации. Один из путей к адекватному пониманию смысла творений писателя пролегает через изучение его маргиналий на Библии. Отмеченные Гоголем места конкретизируют различные аспекты того содержания, которое он черпал из Священного Писания. Изучение помет и их связи с библейским текстом в произведениях открывают нам более глубокие и адекватные авторскому замыслу смыслы его сочинений.

Материалом исследования являются произведения Гоголя (прежде всего,

повести «Страшная месть», «Нос», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Вий», «Шинель», поэма «Мертвые души», книга «Выбранные места из переписки с друзьями»), карандашные пометы писателя на его личной Библии 1820 года издания, мемуарные свидетельства. Критерий отбора произведений для анализа заключался в выборе наиболее ярких и показательных примеров с точки зрения особо важной в них роли библейского текста. В диссертационной работе установлена тесная связь между художественной и публицистической мыслью Гоголя, выявлены «сквозные» и «узловые» темы, неизменно возникавшие в гоголевских сочинениях на каждом новом этапе его духовного развития.

Цель диссертационной работы – изучение библейского текста в произведениях Гоголя, исследование его карандашных помет на Библии.

Задачи исследования:

- 1) обобщить достижения литературоведения в изучении библейского текста в творчестве Гоголя;
- 2) изучить карандашные пометы писателя на принадлежавшей ему Библии 1820 года издания;
- 3) рассмотреть влияние Священного Писания на жизнь и творчество Гоголя;
- 4) проанализировать различные виды библейского текста (цитаты, аллюзии, реминисценции, мотивы и др.) в произведениях писателя;
- 5) исследовать библейский текст на разных уровнях формы и содержания (языковом, стилистическом, семантическом, сюжетном, композиционном);
- 6) выявить и проанализировать сквозные библейские мотивы в произведениях Гоголя.

Анализ библейского текста в сочинениях писателя предполагает решение методических и теоретических проблем, в частности, необходимость пояснения наиболее актуальных для исследования терминов. В диссертации «текст в тексте»

понимается широко: как введение текста Библии в оригинальный гоголевский.

Библейский текст может быть представлен в виде

– цитат, т. е. включения библейских слов в гоголевский текст, которые могут быть прямыми (дословное воспроизведение), скрытыми (в отличие от прямых не всегда оформляются кавычками), косвенными (возможно грамматическое перестроение фразы при сохранении смыслового содержания);

– аллюзий (лат. *allusio* – «намёк, шутка»), которые содержат отчётливый намёк или явное указание на библейское высказывание, сюжет или образ;

– реминисценций (лат. *reminiscentia* – воспоминание), в нашем случае определяется как сознательное или неосознанное воспроизведение писателем текста Библии, мысленная отсылка, как черты, наводящие на воспоминание о Священном Писании.

Библейский текст в художественных произведениях Гоголя предложено рассматривать как особую форму образного отражения мира, имеющую сущностное значение для творческого метода писателя.

Важным для исследования смысла пространственной организации художественного мира Гоголя представляется понятие «духовная вертикаль», под которой подразумевается внутреннее совершенствование человека. Она отражает духовные устремления писателя, его интерес к душе человека. Вектор, направленный вверх, связан с исполнением заповедей, обновлением души и ее устремленностью к Богу. К этому понятию обращались многие исследователи, например, Ф.Б. Тарасов говорит о вертикально ориентированном пути, который ведет «к новой жизни "в соседстве Бога"» [Тарасов 2011: 85], а И.А. Есаулов, рассматривая финальную сцену первого тома «Мертвых душ», сравнивает путь «птицы-тройки» с духовной вертикалью, которая «отражает вектор ее [тройки – Е.Г.] пути как Божий замысел о России» [Есаулов 2014: 101].

***

Интерес к изучению библейского текста в произведениях Гоголя в отечественном литературоведении возник в конце XX века с появлением литературы Русского Зарубежья. Ученые, уехавшие в эмиграцию, первыми обратились к вопросу влияния Священного Писания на творчество писателя: К.В. Мочульский отметил эсхатологическую направленность его произведений [Мочульский 1934], Д.И. Чижевский исследовал библейские мотивы в «Шинели» [Чижевский 1938], Н. Ульянов проанализировал библейский контекст повести «Нос» [Ульянов 1959], протопресвитер В.В. Зеньковский развил мысль об «обольщении богатством» Чичикова [Зеньковский 1961]. В советском литературоведении религиозные взгляды писателя практически не изучались, и появление трудов ученых-эмигрантов привлекло внимание отечественных гоголеведов к данной теме.

В последние годы у исследователей появился интерес к вопросу о роли Библии в жизни и творчестве русских писателей. В частности, были изданы монографии «Евангелие Достоевского» [Евангелие Достоевского 2010] и «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского» [Новый Завет... 2008], в которых приведены пометы писателей на Библии, проведен их анализ, рассмотрена история обращения Ф.М. Достоевского и В.А. Жуковского к Священному Писанию, рассмотрено его влияние на их творчество, изучен сделанный В.А. Жуковским перевод Нового Завета.

Среди первых отечественных работ, посвященных библейскому тексту в произведениях Гоголя, следует отметить монографию [Смирнова 1987], в которой анализируются новозаветные темы живой и мертвой души в поэме «Мертвые души», земных сокровищ, ветхозаветные образы Вавилона и вавилонского смешения языков, Валтасарова пира.

Развитию нового – религиозно-этического – направления в изучении творчества писателя способствовал выход монографии С.А. Гончарова, освещающей библейскую проблематику в творчестве Гоголя в целом [Гончаров 1997], и книги

М.М. Дунаева «Православие и русская литература» [Дунаев 1995], где в главе «Гоголь» исследователь разбирает многие произведения сквозь призму Священного Писания.

Библейские мотивы в повести «Шинель», намеченные Д.И. Чижевским [Чижевский 2004], были подробно раскрыты современными учеными. П.Е. Бухаркин в статье «Об одной евангельской параллели к «Шинели» Н.В. Гоголя (к проблеме внетекстовых факторов смыслообразования в повествовательной прозе)» [Бухаркин 1996] обратил внимание на созвучие между сюжетом гоголевской повести и 19–21 стихами 6 главы Евангелия от Матфея. Хотя в гоголевском произведении нет прямых отсылок к этому отрывку Нового Завета, но нельзя отрицать их явную смысловую взаимосвязь. Евангельские «детские» реминисценции были рассмотрены В.Ш. Кривоносом: Акакий Акакиевич предстал как герой-«ребенок», воплотивший в себе евангельские черты «младенческого незлобия», чистоту сердца и простоту, которые соответствуют новозаветным словам «будьте как дети» [Кривонос 1996, Кривонос 1999]. О новозаветном отношении к ближнему как к брату писал И.А. Виноградов в статье «“Я брат твой” О повести Н.В. Гоголя “Шинель”» [Виноградов 2001], а тему искушения рассмотрел А.Б. Пивоваров в статье «Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции повести Н.В. Гоголя “Шинель”» [Пивоваров 2006].

Исследование В. Томачинского «К вопросу о своеобразии стиля «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя» [Томачинский 1999] обогатило литературоведение наблюдениями о влиянии Библии на гоголевскую книгу не только в плане содержания, но и на его язык, лексику, синтаксис – буквально все пронизано библейским духом.

Анализ цитат из Евангелия и Ветхого Завета, а также реминисценций и образов, заимствованных писателем из Священного Писания, был сделан в работах П.В. Михеда («Евангелизмы в «Выбранных местах из переписки с друзьями»

Н.В. Гоголя и их функциональная семантика» [Михед 1997]) и И.А. Айзиковой («Библейский текст в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя» [Айзикова 2007]).

Е.И. Анненкова в статье «Фольклорный, библейский и литературный аспекты мотива нищенства в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя» [Анненкова 2003] исследует вопрос о соотносительности гоголевских представлений о бедных и отношении к ним с тем, что заповедано в Библии.

К библейскому тексту в повести «Страшная месть» обращались Ю. Барабаш (««Страшная месть» в двух измерениях. Миф и (или) история» [Барабаш 2000]; «Сладкий ужас мщенья, или Зло во имя добра? (месть как религиозно-этическая проблема у Гоголя и Шевченко)» [Барабаш 2001]) и Т.П. Целехович (««Я воюю с ними и изгоню их...»: мифологема одержимого бесом в «Страшной мести» Н.В. Гоголя» [Целехович 2004]). Авторами была изучена тема отмщения и ее ветхо- и новозаветные параллели, мотивы бесноватого, личной свободы и зависимости от грехов и т. д.

Ф. Бельтраме в статье «К вопросу о парадоксальности богоискания в повести «Нос»» [Бельтраме 2003] продолжает тему, поднятую Н. Ульяновым, и рассматривает произведение Гоголя как своеобразную евангельскую притчу, призванную обратить внимание читателей на окружающую их пошлость и бездуховность. Оба исследователя отмечают, что повесть в парадоксальной форме – от обратного – напоминает читателям, что забвение Бога может привести к потере облика, достойного «образа и подобия Божия».

В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» внимание исследователей не раз привлекала тема прощения. В основном литературоведы анализировали последствия ссоры – то, как забвение евангельских заповедей накладывает отпечаток на героев. В частности, этот вопрос затрагивали И.А. Есаулов [Есаулов 2004] и В.Д. Денисов [Денисов 2012].

Библейские мотивы в «Мертвых душах» были рассмотрены в трудах В.А. Воропаева, который отметил, что идея Страшного суда должна была получить дальнейшее развитие в поэме, об этом свидетельствует один из черновых набросков к третьему тому [Воропаев 2014]. Вместе с тем, исследователь указал, что название поэмы имеет более глубокий смысл, нежели просто авантюра Чичикова. Гоголь шел от евангельской традиции, из которой и проистекает понимание «мертвой» души как духовно умершей.

К теме земных и небесных сокровищ, впервые поднятой протопресвитером В.В. Зеньковским, обращался А.Х. Гольденберг в монографии «Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя» [Гольденберг 2014]. Разные виды (цитаты, формулы, притчи) библейского текста в «Мертвых душах» затронула в своих работах Н.М. Сквиря [Сквиря 2004, Сквиря 2008]. Исследовательница обратила внимание на созвучность некоторых фраз из второго тома поэмы Священному Писанию и сравнила гоголевские текст и его библейские аналоги, а также рассмотрела вопрос о влиянии евангельских притч на образы героев и эпизоды второго тома.

Среди зарубежных исследований стоит отметить статью немецкого слависта Р.-Д. Кайля. В публикации «Гоголь в зеркале библейских цитат» («Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate» [Keil 1986]) исследователь постарался проследить особенности восприятия Гоголем Священного Писания, а также преломление библейского текста в гоголевских произведениях. Эта статья, представляющая обзор библейских цитат и реминисценций у писателя, заслуживает пристального внимания современных гоголеведов. К ней Р.-Д. Кайль прилагает перечень цитатиз Библии, найденных им во всех произведениях Гоголя, начиная с поэмы «Ганц Кюхельgarten» и кончая Ба текстами и набросками конца 1840-х годов. Отметим, однако, что Р.-Д. Кайль считал, что изучение Библии более характерно для протестантизма, чем для православия, и на этом основании видит в обращении Гоголя к Библии протестантскую традицию. Эта работа была переведена на украинский язык и опубликована в «Гоголеведческих

студиях» [Кайль 2014].

Начало научному исследованию помет Гоголя на полях его личной Библии положили И.А. Виноградов и В.А. Воропаев. В статье «Карандашные пометы и записи Н.В. Гоголя в Славянской Библии 1820 года издания» [Виноградов, Воропаев 1998] они дали описание книги, определили хронологические рамки, когда она принадлежала писателю, и предположительную датировку помет. Опубликованный ими список помет вошел в IX том 17-томного собрания сочинений Гоголя¹, и маргиналии писателя стали доступны для дальнейшего изучения.

В статье Ю.В. Балакшиной «Пометы Н. В. Гоголя в книге Бытия: материалы и интерпретация» [Балакшина 2007] была предпринята попытка исследовать пометы писателя, очертить круг тем, интересовавших его. Автор статьи ограничилась анализом книги Бытия, и одной из причин, повлиявшей на это, стало типологическое разнообразие помет: на полях Ветхого Завета встречаются отчеркивания, подчеркивания, текстовые пометы и рисунки, тогда как на полях Нового Завета присутствуют только текстовые пометы. В своей статье Ю.В. Балакшина предпринимает попытку разработать формальную и тематическую типологию гоголевских помет.

В 2009 году вышло Полное собрание сочинений и писем Н.В. Гоголя в 17 томах [Гоголь 2009]. Оно включает все известные на данный момент тексты писателя, в том числе обширные выписки из творений святых отцов и другие тексты, указывающие на его исключительный интерес к духовному наследию, а также список его карандашных помет на личной Библии. В комментариях к произведениям

---

¹

Гоголь Н.В. Полн. собр соч. и писем в 17 томах. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградов, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 144–160. В дальнейшем тексты Гоголя цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

можно найти ссылки на наиболее явные библейские реминисценции и аллюзии, пояснения, раскрывающие значение библейских слов.

В трехтомнике «Гоголь в воспоминаниях современников» И.А. Виноградова собран богатый фактический материал, свидетельства и воспоминания близких и друзей писателя: матери Марии Ивановны, сестры Ольги Васильевны, А.О. Смирновой, Е.А. Хитрово, В.И. Любича-Романовича, Н.М. Языкова и многих других [Гоголь в воспоминаниях современников...].

***

Актуальность диссертации заключается:

1) в необходимости обобщить достижения в области изучения библейского текста в творчестве Гоголя. Несмотря на многочисленные исследования до сих пор не был произведен комплексный и системный анализ проблемы;

2) в выявлении новых свидетельств присутствия библейского текста в произведениях Гоголя;

3) в восполнении пробелов в гоголевской маргиналистике.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1) обнаружено тринадцать новых карандашных помет Гоголя на страницах его личной Библии;

2) исследованы и введены в научный оборот новые факты обнаружения библейского текста в произведениях писателя: в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Вие», «Шинели», «Мертвых душах»;

3) выявлены и систематизированы библейские мотивы Страшного суда, земных и небесных сокровищ в творчестве Гоголя;

4) рассмотрена связь карандашных помет с библейским текстом в произведениях писателя.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений книг Библии и библиографии, включающей 231 наименование.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при составлении специальных курсов по изучению творческого наследия Гоголя, истории русской литературы, а также при подготовке комментариев к произведениям писателя.

Методологическую основу диссертации составляют исследования, посвященные проблемам изучения творчества Гоголя в религиозно-этическом аспекте (Д.И. Чижевский, М.М. Дунаев, И.А. Виноградов и др.). В работе используются герменевтический, интертекстуальный, биографический и историко-культурный методы, позволившие составить целостное представление о библейском тексте в творчестве Гоголя.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования обсуждались на кафедральном семинаре аспирантов и соискателей и на заседаниях кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, отражены в докладах, представленных на научных конференциях: «XXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (г. Москва, 2014 г.), «XXII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (г. Москва, 2015 г.), «Международная научная конференция “XV Гоголевские чтения”» (г. Москва, 2015 г.), «VII Международная студенческая научно-богословская конференция» (г. Санкт-Петербург, 2015 г.).

Содержание работы отражено в семи публикациях:

1. Пометы Н.В. Гоголя на Библии 1820 года издания: к истории вопроса // Гоголеведческие студии. Нежин, 2013. Вып. 3 (20). С. 348–354.
2. Тема прощения в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2015. № 2. С. 9–13.
3. Лейтмотив Страшного суда в произведениях Н.В. Гоголя // Сборник

материалов научно-богословской конференции. СПб., 2015. С. 240–247.

4. Пометы Н.В. Гоголя на Библии 1820 года издания: возвращение к теме // Вестник РУДН. М., 2015. №3. С. 14–20.

5. Не участвуйте в делах тьмы (о смысле финала повести Н.В. Гоголя «Вий») // Литература в школе. М., 2015. №10. С. 6–8.

6. Сокровища земные и небесные: об одной евангельской параллели к произведениям Н.В. Гоголя // Гоголеведческие студии. Нежин, 2015. Вып. 4 (22). С. 116–125.

7. Гоголь и Рим: в поисках небесного // Пятнадцатые Гоголевские чтения. Творчество Н.В. Гоголя и европейская культура. М., 2016. – в печати.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертационного исследования:

1) библейский текст в творчестве Гоголя имеет определяющее значение для адекватной интерпретации его произведений;

2) новонайденные автографы (тринадцать новых карандашных помет Гоголя на полях его личной Библии, в том числе одно отчеркивание: шесть помет в Ветхом Завете и семь в Новом Завете) расширяют сложившееся представление о гоголевской маргиналистике;

3) карандашные пометы Гоголя на полях Библии помогают глубже понять смысл его произведений;

4) библейский текст в творчестве писателя предстает в различных формах: в виде цитат (в том числе скрытых), аллюзий, реминисценций, мотивов, образов, смысловых параллелей. Он проявляется на разных уровнях поэтики – языковом, стилистическом, семантическом, сюжетном, композиционном;

5) некоторые библейские мотивы (Страшного суда, земных и небесных сокровищ) являются сквозными в творчестве Гоголя.

ГЛАВА 1

БИБЛИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

§ 1. Священное Писание в жизни Н.В. Гоголя

Интерес Н.В. Гоголя к Священному Писанию, своеобразие библейского текста в его произведениях обусловлены религиозным мировоззрением писателя. Изучение биографического контекста творчества – истории знакомства с Библией, особенностей воспитания в детские и юношеские годы и дальнейшего духовного самообразования – способствует более полному и глубокому пониманию творчества Гоголя.

С детских лет в доме писателя, по свидетельству биографов, царил атмосфера глубокого христианского благочестия, а Библия была неотъемлемой частью семейного уклада Гоголей-Яновских. Именно в детские и юношеские годы была заложена основа мировоззрения; по словам И.А. Виноградова, «именно семейное воспитание явилось для Гоголя впоследствии той надежной опорой, которую не смогли поколебать затем никакие иные влияния» [Виноградов 2004: 159]. «Человек со временем будет тем, чем смолоду был», – замечал в конце жизни в разговоре с друзьями сам писатель [Хитрово 1902: 545].

Среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед был священником, дед учился в Киевской Духовной академии, отец – в Полтавской семинарии. Мать писателя Мария Ивановна была женщиной верующей, часто посещала монастыри и святые места. В семье Гоголя любили читать Библию: в доме в Васильевке на столе всегда лежало Евангелие, любимым чтением матери, сестер и бабушки были Четьи-Минеи в старинных кожаных переплетах [См.: Гоголь в воспоминаниях...: I, 84].

С начала воспитания Гоголя вне семьи религиозному образованию в светских учебных заведениях России стало уделяться повышенное внимание: была создана

обширная программа религиозного воспитания, увеличено в школах количество часов, посвященных изучению Закона Божия и православного вероучения. В Полтавском поветовом (уездном) училище, где Гоголь учился в 1818–1819 годах, согласно распоряжениям Министерства духовных дел и народного просвещения «главная и существенная цель образования» заключалась в изучении Закона Божия, а также в «чтении Нового Завета» [Виноградов 2004: 174]. Не удивительно, что через два года при поступлении в Нежинскую гимназию высших наук князя А.Г. Кушелева-Безбородко писатель обнаружил отличные знания именно по этим предметам, а по остальным оказался подготовлен менее хорошо [См.: Виноградов 2004: 177].

Не меньшее внимание уделялось изучению христианских основ и в Нежинской гимназии, где Гоголь учился в 1821–1828 годах. Согласно «Расположению учебных предметов в Гимназии высших наук князя Безбородко 1820-го года», составленному директором В.Г. Кукольниковым, и действовавшем также в 1821 году, два раза в неделю два часа отводились на изучение Закона Божия. Помимо основных учебных занятий каждый день проводились занятия по книге «Чтения из четырех Евангелистов и из книги Деяний Апостольских, для употребления в училищах».

Жизнь в Нежинской гимназии напоминала монастырскую. В гимназии была домовая церковь, общий духовник, читались общие утренние и вечерние молитвы, молитвы перед началом и окончанием уроков, была строгая дисциплина. Уставом предписывались изучение Закона Божия два раза в неделю, каждый день полчаса перед классными занятиями чтение священником Нового Завета, вечером после занятий чтение книг духовного содержания, ежедневное заучивание наизусть по два-три стиха из Библии [См.: Виноградов 2004: 179–180].

Среди преподавателей гимназии сильное влияние на писателя оказал учитель Закона Божия протоиерей Павел Волынский. По свидетельству историка

А.И. Маркевича, учившегося в Нежине позднее, «единственный профессор, имевший на него [Гоголя – Е.Г.] сильное влияние, был богослов, что не осталось без значения в дальнейшей жизни Гоголя» [Гоголь в воспоминаниях...: I, 434]. Священник приложил много сил, чтобы привить своим воспитанникам любовь к Слову Божию. Он старался, чтобы ученики не только хорошо знали Священное Писание, но и понимали, о чем говорится в книгах Нового и Ветхого Заветов. Н.В. Кукольников вспоминал, что протоиерей Павел Волынский читал с ними «превосходную книжку, которой, к сожалению, теперь не встречаю. Это толкование Евангелий» [Лицей князя Безбородко 1859: 100].

В старших классах отец Павел вел своеобразный курс нравственного богословия, знакомя воспитанников с трудами святых отцов и учителей Церкви – Василия Великого, Иоанна Златоустого, Исаака Сирина и др. Некоторые исследователи предполагают, что именно в 20-е годы XIX века Гоголь впервые сделал выписки из «Лестницы, возводящей на небо» (М., 1785) св. Иоанна Синайского [Гоголь 1994: VIII, 828–829]. По позднему свидетельству Н.В. Гербеля, в числе предметов, преподававшихся в гимназии, было и «толкование Литургии» [Лицей князя Безбородко 1881: 443]. Возможно, именно эти уроки стали одной из причин, по которой спустя годы писатель начал работу над «Размышлениями о Божественной Литургии».

Любовь к слову Божию у Гоголя не исчезла и после окончания им учебы: где бы он ни был – в родном поместье в Васильевке, в Петербурге, за границей – всегда держал при себе Библию. Ежедневное чтение Евангелия – неременная обязанность христианина – сделалось потребностью с юных лет. По свидетельству современников, писатель ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковнославянском, латинском, греческом и английском языках [См.: Гоголь в воспоминаниях: III, 746]. Он говорил: «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие» [Хитрово: 551].

Гоголь пользовался Библией как учебником при изучении английского языка. По словам О.Н. Смирновой, он «изучал английский язык, читая Библию и Шекспира, чтоб иметь возможность читать потом Байрона, Стерна и Фильдинга» [Гоголь в воспоминаниях...: II, 300]. Особая любовь к чтению Библии побудила писателя выучить в зрелые годы греческий язык, чтобы иметь возможность читать Евангелие в оригинале. Сведения об этом имеются в мемуарах А.О. Смирновой [См.: Смирнова-Россет 1989: 496]. В 1842 году Гоголь писал М.П. Балабиной, своей бывшей ученице: «Приходило ли вам когда-нибудь желание, непреодолимое, сильное желание читать Евангелие? Я не разумею то желание, которое похоже на долг и которое всякий положил себе иметь, нет, сердечный порыв... но оставляю неоконченную мою речь. Есть чувства, о которых не следует говорить...» (XIII, 17).

Известно, что Гоголь не расставался с Евангелием. О.В. Гоголь-Головня вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил. Он своими трудовыми деньгами многим помогал...» [Гоголь в воспоминаниях...: I, 215].

Писатель старался и сестрам привить любовь к Евангелию – и личным примером, и советами. «По его действиям, как я замечала, видно, что он обратился более всего к Евангелию, и мне советовал, чтобы постоянно на столе лежало Евангелие. «Почаще читай, ты увидишь, что Бог не требует долго стоять на молитве, а всегда помнить Его учение во всех твоих делах»», – вспоминала Ольга Васильевна [Гоголь в воспоминаниях...: I, 214–215]. В своих письмах сестре он наставлял читать апостольские послания внимательно, как и учат святые отцы: «Читай не помногу: по одной главе в день весьма достаточно, если даже не меньше. Но, прочитавши, предайся размышлению и хорошенько обдумай прочитанное, чтобы не принять тебе в буквальном смысле то<го>, что должно быть принято в духовном смысле» (XIV, 49).

Гоголь старался приобщить к чтению Библии и своих близких друзей. В апреле 1848 года, когда в Европе бушевали политические страсти, он писал графине С.П. Апраксиной на обратном пути из Иерусалима: «Не смущайтесь никакими событиями мира. Проезжайте с Богом повсюду. Справляйтесь только при всяком поступке вашем с Евангелием» (XV, 45).

Искреннее желание поделиться с ближними найденным сокровищем не оставалось без ответа. Ф. Беляев, эллинист, помогавший писателю в его богословских занятиях, писал: «Благодарю вас тысячекратно за то, что вы меня натолкнули на мысль обратить внимание на наши православные священнодействия, которые возвышают мысль, услаждают сердце, умиляют душу и проч. и проч. Без вас я бы не был деятельным в подобном чтении, а имея его только в виду, все бы откладывал, по моему обыкновению, в дальний ящик» [Шенрок 1898: IV, 349].

Гоголь подарил в 1850 году один экземпляр Библии Д.К. Малиновскому, студенту юридического факультета. В этом же году Д.К. Малиновский писал ему: «Благодарю Вас за все вообще, о чем надо говорить долго, и в особенности за книгу, которую Вы мне подарили, за Библию. Я желал ее, предчувствуя себе от нее добро, Вы же привели в исполнение то желание, которое могло затеряться среди тысячи ему подобных. Смотрю на Ваш подарок и вижу, что в руках у меня сокровища, которые, если даст Бог, могут принести мне пользу – мне нельзя Вас не благодарить» [Малиновский 1902: 85].

В наброске к заключительной главе второго тома «Мертвых душ» писатель обратился к современникам: «К стыду, у нас, может быть, едва отыщется человек, который бы прочел Библию, тогда как эта книга затем, чтобы читаться вечно...» (V, 489). Не только на словах, но и личным примером он призывал обратиться к Слову Божию. По преданию, писатель сам читал в Ницце А.О. Смирновой Псалтирь, Евангелие, Книгу Иова и некоторые Книги пророков [Гоголь в воспоминаниях...: II, 351].

Гоголь не только изучал Библию и святоотеческую литературу, но и делал выписки. Такой метод чтения – с выписками – можно назвать «келейным», им традиционно пользовались, например, многие монахи [См.: Воропаев 2014: 39]. Помимо многочисленных выписок из творений святых отцов сохранилось автографы с выписками из Псалтири. Один из них сделан на церковнославянском языке, содержит 15 псалмов и предназначался, по предположению В.А. Воропаева, А.О. Смирновой. Сейчас он хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Второй находится в гоголевском фонде Российской государственной библиотеки.

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь замечал: «Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм – рождение верховной трезвости ума, – который исходит от наших церковных песней и канонов...» (VI, 195). А в статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» Гоголь писал, обращаясь к Н.М. Языкову: «Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный суд Божий, что вострепенется настоящее» (VI, 68).

Как человек с чуткой поэтической душой Гоголь особенно ценил псалмы св. пророка Давида. «Перечти их внимательно, – писал он Н.М. Языкову 15 февраля 1844 года из Ниццы, – или, лучше, в первую скорбную минуту разогни книгу наудачу, и первый попавшийся псалом, вероятно, придется к состоянию души твоей. Но из твоей души должны исторгнуться другие псалмы, не похожие на те, из своих страданий и скорбей исшедшие, может быть более доступные для нынешнего человечества...» (XIII, 329–330).

Гоголь с юношеских лет стремился привести свою жизнь в соответствие евангельским заветам, а позднее – донести эти истины до читателей и друзей через свои произведения и письма. Уже в юном возрасте он запомнил заповедь апостола «помнить нищих» (Гал. 2: 10), старался исполнить завет Христов – «просящему у

тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отворачивайся» (Мф. 5: 42). Один из соучеников писателя, В.И. Любич-Романович, в частности, вспоминал: «...душа его всегда была отзывчива к ближнему. Так, например, он никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, что мог, если имел, и всегда говорил просившему у него подаяния «извините», когда нечего было вложить ему в руку» [Гоголь в воспоминаниях...: I, 564]. В «Размышлениях о Божественной Литургии» он писал: «Задолжали мы Самому Творцу в лице братии наших, Который ежедневно и ежеминутно в образе их протягивает нам руку Свою, надрывающим всю душу воплем умоляя о милости и милосердии» (VI, 384).

Евангельская любовь, считал Гоголь, должна лежать в основании отношений между людьми. «Истинно христианская помощь не в одном денежном подаянии, – поучал он сестру Ольгу Васильевну в письме от 20 января 1847 года, – это еще небольшая помощь. Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее. Обратить преступного и грешника ко Господу – вот настоящая милостыня, за которую несомненно можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику. А для этого подвиги тебе предстоят на всяком шагу, обратись только вокруг себя» (XIV, 48).

В своей жизни (особенно в последнее десятилетие) Гоголь исполнял евангельский принцип нестяжания, о котором говорил Спаситель: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19: 21). Он не имел своего дома, а от своей части родного имения в Васильевке отказался в пользу матери и сестер. Последние годы жизни он жил у друзей, – сегодня у одного, завтра у другого. Но при этом он не прекратил помогать нуждающимся в помощи. Личное имущество Гоголя, оставшееся после его смерти, состояло всего лишь из нескольких десятков рублей серебром,

книг и старых вещей. И в то же время созданный им фонд «на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством» [Воропаев 2014: 65], составлял более двух с половиной тысяч рублей.

«Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет, – говорил Гоголь. – Но кого Бог удостоил отвесть его сладость и кто уже возлюбил свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира» (VI, 124–125). Своей сестре Елизавете Васильевне он советовал: «Милая сестра моя, люби бедность. Тайна великая скрыта в этом слове. Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат» (из письма от 14 июля 1851 года) (XV, 421). В письме историку М.П. Погодину, написанному спустя три месяца после кончины единственного сына, Мария Ивановна Гоголь вспоминала: «...у него ничего не было в большом количестве, он говорил: блажен, кто все состояние свое имеет при себе – не боится ни огня, ни воров» [Гоголь в воспоминаниях...: I, 133].

В приеме странников в своем доме писатель следовал завету св. апостола Павла: «Страннолюбия не забывайте, ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр. 13: 2). Примечательно, что на полях принадлежавшей ему Библии Гоголь против этого стиха написал: «Наставленья, как быть со всеми». В письме 1846 года к матери и сестрам он просил, чтобы «дом и деревня их походили скорей на гостиницу и странноприимный дом, чем на обители помещика; чтобы всякий, кто ни приезжал, был ими принят как родной и сердцу близкий человек» (VI, 555–556).

Именно Евангелием проверял Гоголь все свои душевные движения. В его бумагах сохранилась запись на отдельном листе: «Когда бы нас кто-нибудь назвал лицемером, мы глубоко оскорбились бы, потому что каждый гнушается этим низким пороком; однако, читая в первых стихах 7-й главы Евангелия от Матфея, не укоряет ли совесть каждого из нас, что мы именно тот лицемер, к которому взывает Спаситель: Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего. Какая стремительность к

осуждению...» (VI, 406–407).

Слово Божие сопровождало Гоголя до самой смерти. Самые последние слова, начертанные его рукой, отсылают нас к Евангелию: «Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою. Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное. Помилуй меня, грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою неисповедимого Креста! Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник. Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских» (VI, 412–414).

На памятнике Гоголю, по предложению С.П. Шевырева, были начертаны две библейские цитаты. Первая из них – из пророка Иеремии: «Горьким словом моим посмеюся» (Иер. 20: 8). Этот стих из Священного Писания, помещенный на надгробной плите из черного мрамора и ныне наиболее часто цитируемый, по словам писателя П.Г. Паламарчука, «замечательно отразил союз художественной правды с пророческим служением, в котором сам Гоголь видел смысл своего творчества» [Паламарчук 1990: 389]. Другая цитата «Ей, гряди, Господи Иисусе», взята из Апокалипсиса (Откр. 22, 20), эти слова впоследствии были выбиты на надгробном камне (так называемой Голгофе). Они выражают, без сомнения, «самое главное в жизни и творчестве Гоголя, особенно последнего десятилетия: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление своей души к встрече с Господом» [Воропаев 2014: 265].

§ 2. Н.В. Гоголь и традиция обращения русских писателей к Библии

Причины обращения Гоголя к Библии связаны не только с православным воспитанием писателя, с детства знакомого со Священным Писанием, но и с фундаментальными свойствами всей отечественной культуры, вбирающей в себя евангельское слово и являющей собой «магистральное направление в истории русской литературы» [Тарасов 2011: 2]. Эта особенность легла в основу глубинного и принципиального единства национального стиля, обусловив внутреннюю общность порою очень разных художников, таких как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский. Системная разработка темы «Евангелие как фундамент русской словесной культуры» [Тарасов 2011: 3] еще только предстоит.

Священное Писание для русских писателей имело гораздо большее значение, чем просто источник сюжетов, образов, тем. Исследователи не раз отмечали роль Библии в их произведениях, указывая, что «обратившись к библейскому контексту <...> мы можем проникнуть в «духовный», то есть высший смысл текста, в котором без этого «восхождения» нам открылся бы только «исторический», то есть буквальный и «низший» смысл» [Пиккио 1997: 435]. Одна из особенностей русской литературы заключается в том, что она никогда не ограничивалась чисто эстетической функцией. Каждый писатель пытался найти ответы на вопросы «вечного» плана: о смысле жизни, о предназначении человека. Попытка найти ответы на вопросы бытия неизбежно приводила к Священному Писанию.

В древней Руси Библия была эталоном для многих древнерусских жанров. Во время становления светской литературы она стала источником вдохновения. Писатели XVIII века так же хорошо знали Библию, как и их предшественники, черпали вдохновение из библейского наследия. Так, например, А.Д. Кантемир был большим знатоком Библии. Вместе со своим учителем И. Ильинским он составил

первую в России симфонию² к части Библии.

Особое внимание писателей привлекала Псалтирь. Весьма популярны были стихотворные переложения псалмов – у многих писателей возникала потребность выразить мысли в формах, близких к молитвам и псалмам. В XVIII веке формировалась новая русская литература. Поэты, оказавшиеся у ее истоков, выбрали стиль Псалтыри образцом одического жанра. Библейские образы встречаются в торжественных одах М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова, стихотворениях В.А. Тредиаковского, одах «Бог», «Христос» и других стихотворениях Г.Р. Державина. Практически все поэты XVIII века ставили переложения псалмов первыми в своих собраниях сочинений.

Гоголь высоко оценивал жанр оды: «Ода есть высочайшее, величественнейшее, полнейшее и стройнейшее из всех поэтических созданий. Ее предметом может послужить только одно высокое: ибо одно высокое может только внушить душе то лирическое, торжественное настроение души, какое для нее нужно и без какого не произвести оды поэту, как бы велик он ни был. Посему и предмет од или сам источник всего – Бог или то, что слишком близко высотой чувств своих к Божественному» (VI, 326).

В XIX веке библейский текст в художественных произведениях русских писателей претерпел существенные изменения: «Изменяются и функции библейского текста, и способы его включения в литературное произведение. Писатели отказываются от прямых аналогий, предпочитая библейским цитатам аллюзии и реминисценции на темы Священного Писания. В структуре литературных текстов они перемещаются на уровень подтекста» [Гольденберг 2007: 93]. Библейские образы и мотивы можно найти у многих поэтов и писателей XIX века, некоторые из них стали «сквозными» в русской литературе.

---

² Симфония или конкорданция – словарь, по которому можно найти в Библии любое слово.

Мотив оживления, воскресения души можно считать одним из центральных в русской литературе XIX века. Наиболее полноценное звучание он приобрел у Гоголя поэме «Мертвые души».

К теме пробуждения души главного героя Ф.М. Достоевский обращался в романе «Преступление и наказание»: Евангелие приобретает решающее значение в возрождении и обновлении Раскольникова. По мнению В.Н. Захарова, занимавшегося исследованием принадлежавшей писателю Библии, «Евангелие дает для понимания Достоевского больше, чем любые исследования о нем, включая гениального Бахтина» [Захаров 2010: 15]. В текстах Достоевского можно найти огромное количество прямых и косвенных цитат из Библии, количество которых неуклонно нарастает к последнему роману. Евангельские слова занимают центральное место в произведениях писателя, приобретают главенствующую сюжетообразующую роль.

Библейский контекст важен и для Л.Н. Толстого. Роман «Воскресение» стал отражением его богословских идей. На последних страницах книги Толстой излагает свою религиозную доктрину: роман заканчивается библейскими словами, которые читает Нехлюдов (не стоит забывать, что это не текст Евангелия, а толстовское переложение). Новозаветные поучения способствуют «воскрешению», «обновлению» Нехлюдова, который теперь должен начать жить по-новому.

Толстовское учение о Царствии Божием («Только ищите Царства Божия и все приложится, а мы ищем остального и, очевидно, не находим его» [Толстой 1964: 380]) перекликается с внутренним устремлением произведений Гоголя к конечной цели христианской жизни – к достижению Небесного Царствия. Разница в том, что у Гоголя это оказывается конечной точкой духовной вертикали, итогом правильного жизненного пути человека, а Толстой, буквально понимая мысль, что Царство Божие находится «внутри нас», заземляет, опуская конечную цель от Бога к человеку:

«Только исполняй люди эти заповеди, и на земле установится Царствие Божие, и люди получают наибольшее благо, которое доступно им» [Толстой 1964: 380].

В «Философических письмах» П.Я. Чаадаева, помимо многочисленных цитат и реминисценций из Священного Писания, мы неоднократно встречаем косвенные цитаты евангельских слов о Царствии Небесном: «Ищите же [прежде всего] Царствия Небесного [и правды Его], и [все остальное] приложится вам»³ [Чаадаев 1991: 409], «Единственный путь <...> есть тот самый, который ведет в Царствие Небесное: войти туда можно лишь в смиренном образе ребенка» [Чаадаев 1991: 358].

Подобное евангельское отношение к ребенку – как к чистой душе, способной войти в Царствие Божие – присутствует у Гоголя (детские евангельские реминисценции в «Шинели» отмечал В.Ш. Кривонос [Кривонос 1996, Кривонос 1999]), Достоевского (детские черты можно найти в князе Мышкине), Толстого (А.К. Кириченко отмечает, что лучше понять характер Левина помогает упоминаемое им изречение «скрыл от премудрых, открыл детям и неразумным» – это перефразированные слова Христа: «Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11: 25; Лк. 10: 21) [Кириченко 2008]).

К мотиву Страшного суда и Божьего наказания за поступки – одному из важнейших для Гоголя, ставшему лейтмотивом всего его творчества – обращались и другие писатели. М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» напоминал о существовании Божьего суда («Но есть и Высший суд...»), с которым придется столкнуться каждому. Образ «занебесной книги жизни» из другого стихотворения поэта («Смерть») («Ласкаемый цветущими мечтами...») перекликается со словами из Апокалипсиса – «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы

---

³ Реминисценция 33 стиха 4 главы от Матфея. В экземпляре Библии, принадлежавшему Чаадаеву, эти слова подчеркнуты.

были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20: 12)) – и также напоминает о Судном дне. Библейские образы характерны для творчества Лермонтова, являются неотъемлемым компонентом его художественного стиля.

Эпиграф к «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, который содержит библейскую цитату: «Мне отмщение, и Аз воздам», является смысловым центром романа, ключом к пониманию его смысла – в нем в свернутом виде заключена идея произведения: человек, вступивший на путь греха, неизбежно получает наказание.

Особое место в традиции обращения писателей к Библии занимает книга Иова. Гоголь в статье «Учебная книга словесности для русского юношества» в список примеров поместил оду М.В. Ломоносова «Подражание Иову» (VI, 336). Реминисценции из этой ветхозаветной книги можно встретить в сочинениях А.С. Пушкина. А.Г. Чижов отметил созвучность стихотворения «Кто, волны, вас остановил» Книге Иова, воспринятой через «Оду, выбранную из Иова» Ломоносова [Чижов 1991: 143–144]. А. Ильичев нашел отголоски сетований Иова в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный», а в стихотворении «Поэт идет – открыты вежды» отметил прямую ориентацию на слова Бога из этой ветхозаветной книги [Ильичев 1991: 176]. Л.М. Лотман отнес к разряду стихотворений, навеянных образами Книги Иова, четверостишие «Напрасно я бегу к сионским высотам» [Лотман 2003: 137].

С Книгой Иова связана трагедия «Скупой рыцарь» – одна из пьес цикла «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина. Скупой рыцарь попадает в ситуацию, аналогичную ситуации Иова: «Переживание внезапной катастрофы, иррациональной в своих истоках» [Гольденберг 2007: 103]. В судьбах библейского персонажа и пушкинского героя при всем сходстве ситуаций есть принципиальная разница: «Потеряв сыновей и богатство, библейский старец сохранил благочестивую душу и вновь обрел потерянное. Герой же Пушкина, напротив, накопив сокровища, омертвил душу и... потерял все» [Жаравина 1995: 76].

А.Х. Гольденберг разбирает «Иов-ситуацию» по отношению к гоголевскому Плюшкину, но нам представляется возможным добавить в этот ряд также «Шинель». Башмачкин лишается в один момент своего богатства, но в отличие от Иова не может смириться и начинает роптать, за что следует наказание.

По словам К.В. Мочульского, «из всей Библии Достоевский больше всего любил Книгу Иова. Он сам был Иовом, спорящим с Богом о правде и правосудии» [Мочульский 1967: 333]. В романах писателя вровень с Евангелием, которое читает Соня Мармеладова, ставится и Книга Иова, которую читают Григорий в «Братьях Карамазовых» и Макар в «Подростке». Идеи из этой ветхозаветной книги стали смыслообразующими в романе «Братья Карамазовы».

Подытоживая краткий обзор, необходимо подчеркнуть, что не только сама Библия послужила основой для появления в художественных произведениях Гоголя библейских текстов, но и историческая панорама всей русской литературы, истоки которой уходят к древнерусским произведениям. В связи с этим можно говорить о существовании преемственности в русской литературе, вобравшей в себя евангельское слово, а библейские тексты в произведениях Гоголя считать важной вехой в ее истории.

ГЛАВА 2

КАРАНДАШНЫЕ ПОМЕТЫ Н.В. ГОГОЛЯ НА БИБЛИИ 1820 ГОДА ИЗДАНИЯ

§1. Из истории изучения помет

Изучение помет Гоголя на принадлежавшей ему Библии чрезвычайно важно для науки, ведь его произведения буквально пронизаны ветхо- и новозаветными реминисценциями. В русской культуре вдумчивое чтение Библии с карандашом в руках можно рассматривать как своеобразную традицию. До нас дошли Библии с маргиналиями В.А. Жуковского, П.Я. Чаадаева, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Изучение влияния Священного Писания на творчество русских писателей в последнее время приобрело особую актуальность. Изданы Евангелие с пометами Ф.М. Достоевского [Евангелие Достоевского 2010], Новый Завет в переводе В.А. Жуковского [Новый Завет... 2008]. Недостаточно разработанным остается вопрос о надписях на Библиях, принадлежащих П.Я. Чаадаеву и А.П. Чехову. Особый интерес вызывают гоголевские маргиналии, они требуют такого же тщательного исследования, какой был сделан, например, для помет Ф.М. Достоевского.

Гоголевскими маргиналиями на Библии впервые заинтересовались исследователи И.А. Виноградов и В.А. Воропаев. В статье «Карандашные пометы и записи Н.В. Гоголя в Славянской Библии 1820 года издания» [Виноградов, Воропаев 1998] были опубликованы пометы, дана их предположительная датировка. Точно известен год, когда Гоголь подарил свою Библию сестре Анне Васильевне. Одна из трех надписей на форзаце, сделанная ее рукой, гласит: «Сия книга получена от брата моего Николая Васильевича Гоголя 1850го в Деревне Васильевке» [РО ИРЛИ]. Это было последнее посещение родного поместья писателем. Библия могла быть

подарена либо по приезде – в июле, либо, что более вероятно, при отъезде в Одессу в середине октября.

Некоторые наблюдения позволяют предположить, к каким годам относятся пометы в принадлежащей Гоголю Библии. Авторы статьи приводят следующие факты. Наклеенная на обороте первого листа литография, выпущенная немецким издательством и по композиции напоминающая картину А.А. Иванова «Явление Христа народу», указывает, что Библия была с писателем и ранее за границей. Возможно, именно об этой Библии упоминала А.О. Смирнова в письме к В.А. Жуковскому от 23 июня 1843 года, отправленном из Бадена в Эмс: «...скажите Гоголю, что он должен непременно меня видеть, нам надо поговорить об Иванове <художник А.А. Иванов>, да и Библия его у меня» [Гоголь в воспоминаниях...: II, 198].

Другим фактом, помогающим установить хронологические границы помет, является их соотнесенность с выпиской «Пророчества о Христе» (1843–1844) (IX, 105), в частности, с содержанием выписки прямо перекликаются некоторые пометы в Книге пророка Исаии и в Книге пророка Захарии. Другие пометы – в Послании к Евреям св. апостола Павла – соотносятся со строками статьи «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», датированной 1845 годом. Вопрос, когда именно книга попала к Гоголю, остается пока неизученным.

Воспоминания О.Н. Смирновой свидетельствуют, что Библия 1820 года издания, ныне хранящаяся в РО ИРЛИ, не была единственной, на которой писатель оставлял пометы: «Библия с его отметками, которую он читал с моей воспитательницей-англичанкой (говорившей очень хорошо по-русски), после его смерти была отослана этому другу нашего дома» [Гоголь в воспоминаниях: II, 300].

Развивая эту тему в комментариях к IX тому Полного собрания сочинений и писем в 17 томах, исследователи упоминают и о других изданиях Библии, которыми пользовался Гоголь. Княжна В.Н. Репнина вспоминала, что летом 1839 года писатель

пользовался изданием, подаренным ему перед смертью графом И.М. Виельгорским: «Я застала Гоголя в моей комнате с книгой в руках и спросила его, что это за книга; он мне ее передал. Это была Библия; на первом листке дрожащей рукой покойного Виельгорского написано было: «Другу моему Николаю. Вилла Волконская»; числа я не помню. Гоголь сказал мне: эта книга вдвое мне святее» [Гоголь в воспоминаниях...: III, 100].

Писатель читал Библию на разных языках. В конце 1850 года А.С. Стурдза писал из Одессы Н.В. Неводчикову (впоследствии архиепископ Кишиневский Неофит): «Гоголь прилежно занимается греческою Библией...» [Гоголь в воспоминаниях...: III, 633]. Запись об этом сохранилась также в дневнике Е.А. Хитрово (от 26 января 1851 года): «Гоголь читает всякий день главу из Библии и Евангелия на славянском, латинском, греческом и английском языках. Гоголь: “Как странно иногда слышать: «К стыду моему, должна признаться, что я не знаю славянского языка!» Зачем признаваться? Лучше ему выучиться: стоит две недели употребить”» [Гоголь в воспоминаниях...: III, 746]. Стоит отметить, что Гоголь пользовался церковнославянским переводом Библии, т.к. полного перевода на русский язык в то время не существовало.

В упомянутой статье был дан список обнаруженных помет, позднее он был включен в IX том 17-томного собрания сочинений Н.В. Гоголя. Однако, в научном описании гоголевских помет были некоторые неточности, затрудняющие их объективное исследование. На это указывает статья Ю.В. Балакшиной «Пометы Н.В. Гоголя в Книге Бытия: материалы и интерпретация» [Балакшина 2007]. Поводом для ее написания стало желание автора предложить свой взгляд на «интерпретацию своеобразного гоголевского текста, возникшего на полях Книги книг» [Балакшина 2007: 303], а также исправить замеченные погрешности.

В ходе исследования страниц Книги Бытия Ю.В. Балакшина сделала вывод, что пометы писателя, принятые другими исследователями за подчеркивания, по сути,

есть просто отпечатки в силу особенностей книги. Данное издание Библии имеет специальные замочки, из-за чего страницы книги долгое время находились в стиснутом положении – по этой причине подчеркивание, сделанное простым черным карандашом, отпечталось на противоположной странице. Возможно, на это также повлиял сырой воздух Санкт-Петербурга (напомним, что книга хранится в отделе древлехранилища ИРЛИ РАН).

Ю.В. Балакшина отметила в своей статье три случая из опубликованных ранее помет, где имеет место не подчеркивание, а отпечаток: Быт. 8: 2–6, Быт. 8: 11–13, Быт. 20: 2–7. Также она обратила внимание на единственный рисунок Гоголя на полях Библии – руку с поднятым указательным пальцем, который расположен около отчеркнутого фрагмента 38-й главы Книги Бытия, повествующего о родах Фамари (Быт. 38: 27–30).

Новые отчеркивания, найденные исследовательницей, дополняют известный ранее список гоголевских помет:

– Отчеркнуто на полях напротив стиха «И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро» (Быт. 4: 15) [Балакшина 2007: 310].

– Отчеркнуто на полях напротив стиха «И сказал Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы! внимайте словам моим» (Быт. 4: 23) [Балакшина 2007: 308].

– Отчеркнуто на полях напротив стихов «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди» (Быт. 6: 3–4) [Балакшина 2007: 308].

– Подчеркнуты слова: «чистых введи» (Быт. 7: 2) [Балакшина 2007: 309].

– Нарисовано облако и указующий перст напротив начала 38 главы Книги Бытия [Балакшина 2007: 305].

Исследовательница обратила внимание на специфику распределения помет в Библии: во многих книгах они вообще отсутствуют, а в ряде пророческих книг и посланиях св. апостола Павла сконцентрированы в максимальном количестве. Из Пятикнижия внимание Гоголя привлекла только первая, на остальных книгах маргиналий не обнаружено.

В своей статье Ю.В. Балакшина ограничилась анализом Книги Бытия; одной из причин, повлиявшей на выбор материала, стало типологическое разнообразие помет: на полях Ветхого Завета встречаются отчеркивания, подчеркивания, текстовые пометы и рисунки, тогда как на полях Нового Завета присутствуют только текстовые. В своей статье Ю.В. Балакшина предприняла попытку сделать формальную и тематическую типологию гоголевских помет.

Внимание Гоголя привлекла тема обещания Богу, где условия жертвы определяет человек, а не Бог. Напротив стихов, повествующих об обете Иакова, он написал: «Первая жертва своевольная <?> по обету» [Балакшина 2007: 306]. Исследовательница соотнесла это с двумя событиями в его жизни – работой над «Мертвыми душами» и намерением совершить паломничество в Иерусалим: «Через библейский текст между работой над поэмой и паломничеством ко Гробу Господню устанавливается прямая связь. <...> Писатель ждет благословения на свой труд и обещает совершить нелегкое путешествие. И в то же время обещает служить Богу пророчески-писательским словом, если получит от Него благословение на паломничество» [Балакшина 2007: 307].

В тематической группе еды писателя интересовала в первую очередь тема «запрета», ограничения в сфере пищи. Ю.В. Балакшина приводит две версии такого интереса: опыт болезни, связанной с желудочным расстройством, и проблема личного очищения. Последнее автор связывает также с другой пометой, где описывается сцена спасения людей и животных в Ноевом ковчеге. Здесь акцент делается на чистоте: «От скотов же чистых введи к себе семь семь, мужеский пол

и женский» (Быт. 7: 2). По замечанию Ю.В. Балакшиной, эта тема – чистоты, очищения – постоянно присутствует в письмах и произведениях Гоголя 1940-х годов.

В 18-ой главе книги Бытия писатель подчеркнул фразу «Еда изнеможет у Бога слово» (IX, 144). По мнению исследовательницы, эта цитата затрагивает важную для него тему – о слове, его сакральном, миссионерском значении. Автор выдвигает предположение, что «отмеченная писателем библейская фраза свидетельствует не только о его уверенности в высоком предназначении своего слова, но и о его мучительных размышлениях об иссякающем творческом даре» [Балакшина 2007: 310].

Тема смерти и милости Божией сливаются в одну тематическую группу. Писатель как будто ищет ответ на вопрос, что в очах Божиих может быть причиной смерти: совершенное убийство, слушание, неугодность Богу. И в то же время он отмечает на полях проявления Милости Божией, например: «Не будет более истреблена всякая плоть водами потопа» (Быт. 9: 11).

Интерес Гоголя привлекли также библейские имена родоначальников целых народов и в особенности библейских женщин. Размышления писателя о женщине-жене и ее роли в истории человечества воплотились в ряде отчеркиваний на полях. Некоторые пометы нашли отражение в гоголевских текстах. Так, отчерченная на полях фраза – «И сказал Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы! внимайте словам моим» (Быт. 4: 23) – перекликается с гоголевским восклицанием в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Нигде я не вижу мужа. Пусть же бессильная женщина ему о том напомнит! Стало так теперь все чудно, что жена же должна повелеть мужу, дабы он был ее глава и повелитель» (VI, 128). По мнению Ю.В. Балакшиной, «читая книгу Бытия, Гоголь ищет, с одной стороны, подтверждений слабости и подчиненности женщины, а с другой – указаний на то, что именно она является структурирующим началом миропорядка, хранительницей и устроительницей Дома и Рода» [Балакшина 2007:

309].

Таким образом, становится очевидным, что диалог, возникший на полях Славянской Библии, затрагивает все ключевые для позднего Гоголя темы: жизнь и смерть, слово Божественное и слово человеческое, чистота и молитва, паломничество на Святую Землю и писательский труд, роль женщины.

§2. Новонайденные автографы на Библии

Несмотря на огромную работу, проделанную исследователями, еще остались не отмеченные предыдущими авторами пометы, сделанные рукой Гоголя на полях Библии. Это шесть помет на полях Ветхого Завета и семь на полях Нового Завета. Вместе с тем, были также выверены и уточнены некоторые места уже известных помет.

На полях Ветхого Завета были найдены следующие маргиналии:

– Книга Бытия, гл. 5, ст. 29. – Отчеркнуто на полях напротив слов «...и нареку ему имя: Ной, сказав: он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при возделывании земли, которую проклял Господь» (Быт. 5: 29).

– Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, гл. 24, ст. 2. – Написано на полях: «изображение премудрости» [РО ИРЛИ] напротив слов «В церкви Всевышнего она откроет уста свои, и пред воинством Его будет прославлять себя...» (Сир. 24: 1–4).

– Книга пророка Иеремии, гл. 36, ст. 22. – Написано на полях: «Сожжение свитка» [РО ИРЛИ] напротив стиха «И взял Иеремия другой свиток и отдал его Варуху писцу, сыну Нирии, и он написал в нем из уст Иеремии все слова того списка, который сожжет Иоаким, царь Иудейский, на огне; и еще прибавлено к ним много подобных тем слов» (Иер. 36: 22).

– Псалтырь, пс. 2, ст. 2. – Написано на полях: «Прокимен» [РО ИРЛИ]

напротив стиха «Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его» (Пс. 2: 2).

– Псалтырь, пс. 32, ст. 6. – Написано на полях: «Св. Троица» [РО ИРЛИ] напротив стиха «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32: 6).

– Псалтырь, пс. 44, ст. 4. – Написано на полях: «О Христе» [РО ИРЛИ] напротив стиха «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею» (Пс. 44: 4).

На полях Нового Завета были найдены следующие ранее не известные пометы:

– Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 14. – Написано на полях: «прощение» [РО ИРЛИ] напротив стиха «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф. 6: 14).

– Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 16. – Написано на полях: «пост» [РО ИРЛИ] напротив стиха «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (Мф. 6: 16).

– Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 19. – Написано на полях: «стяжание» [РО ИРЛИ] напротив стиха «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6: 19).

– Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 5. – Написано на полях: «напутствия Апостолам» [РО ИРЛИ] напротив стиха «Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите» (Мф. 10: 5).

– Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 1. – Написано на полях: «о Царствии Небесном» [РО ИРЛИ] напротив стиха «И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять» (Мф. 13: 1).

– Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 1. – Написано на полях: «Смиряться как дитя

боль<ше> в Царствии Небесн<ом>⁴» [РО ИРЛИ] напротив стиха «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 1).

– Первое послание к Коринфянам св. апостола Павла, гл. 14, ст. 26. – Написано на полях: «Литургия» [РО ИРЛИ] над стихом «Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию» (1 Кор. 14: 26).

В процессе тщательного изучения всех помет Гоголя на страницах его Библии были обнаружены некоторые неточности в уже известных опубликованных пометах. В частности, гоголевская помета «Сравнение Иудеи с блудницею» (которая расположена напротив 46 стиха 16 главы Книги пророка Иезекииля) [РО ИРЛИ] ранее ошибочно печаталась как «Сравнение иудея с блудницею» (IX, 148). Помета, которая считается подчеркиванием слов: «от мест своих двинушася» (Откр. 6. 14), по сути является просвечиванием сквозь тонкий лист черты над сносками, расположенной на обороте страницы.

В Книге Пророка Иеремии внимание Гоголя привлек текст о судьбе написания свитка. Обнаружение надписи «Сожжение свитка» восстанавливает логическую последовательность помет писателя, а именно: прочтение свитка, его сожжение и написание нового свитка.

По своему содержанию Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова – это учение о Премудрости, о ее проявлениях в мире и человеке, о прославлении Божественного промысла. В этой книге Ветхого Завета Гоголя заинтересовали те места, где говорилось о мудром устройстве вселенной. На полях он делает пометы:

4

Окончание слов должно было находиться на обрезанном при дальнейшей реставрации книги поле листа.

«Мудр<ость>», «о светилах небесных», «Мудрость всех явлений природы» (IX, 145). Писатель отметил также поэтическое описание премудрости, которое дается в 24 главе: «Премудрость прославит себя и среди народа своего будет восхвалена. В церкви Всевышнего она откроет уста свои, и пред воинством Его будет прославлять себя: «Я вышла из уст Всевышнего и, подобно облаку, покрыла землю; я поставила скинию на высоте, и престол мой – в столпе облачном...»» (Сир. 24: 1–4). На полях 24 главы напротив второго стиха он написал: «изображение премудрости». Эти факты – свидетельство его глубоких размышлений над премудростью мироздания.

Гоголь оставил свои надписи и на Псалтыре. Известно, что он особенно высоко ценил псалмы св. пророка Давида. В его письмах можно встретить настоятельные советы перечитывать Псалтырь. Например, в своем письме к А.О. Смирновой он советует в дни уныния учить псалмы наизусть: «...молитесь. Если ж вам не молится, учите буквально наизусть, как школьный ученик, те псалмы, которые я вам дал, и учитесь произносить их с силою, значением и выраженьем голоса, приличным всякому слову» (XIII, 200–201). А своему другу поэту Н.М. Языкову писал из Ниццы 15 февраля 1844 года: «В первую скорбную минуту разогни книгу наудачу, и первый попавшийся псалом, вероятно, придется к состоянию души твоей» (XIII, 329–330).

Гоголь не только советовал читать их своим друзьям, но и сам старался глубоко проникнуть в их сущность. В Псалтыре он отметил три места:

– напротив стиха «Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его» (Пс. 2: 2) написано на полях: Прокимен;

– напротив стиха «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32: 6) написано на полях: Св. Троица;

– напротив стиха «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею» (Пс. 44: 4) написано на полях: О Христе.

Две последние пометы заслуживают особое внимание. В Ветхом Завете слово «Троица» не встречается (с полной определенностью учение о троичном Боге дано

лишь в Новом Завете), но иносказательно об этом говорится не раз. Одним из таких упоминаний является отмеченный Гоголем стих из 32 псалма. Здесь, по словам святителя Афанасия Великого, «открывается учение о Святой Троице» [Святитель Афанасий 2011: 111].

Изучение гоголевских помет свидетельствует об особом интересе писателя к тем местам Ветхого Завета, где упоминается Христос. Это отметила в своей статье Ю.В. Балакшина: «Взгляд на Ветхий завет сквозь призму Нового в целом характерен для позднего Гоголя. Так, на полях пророческих книг он настойчиво фиксирует: «пророчество о Христе» (Ис. 2. 2); «полное пророчество о Христе» (Ис. 53. 1); «пророчество о Спасителе» (Зах. 13. 4)» [Балакшина 2007: 305].

Ю.В. Балакшина приводит также и другие факты, касающиеся интереса писателя к теме мессианского пророчества. Например, в Книге Бытия Гоголь выделяет отчеркиванием на полях фрагмент, в который входит 15-й стих 3-й главы, считающийся первым в Библии мессианским пророчеством: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3: 15).

К мессианской теме относится также и единственный рисунок Гоголя на полях Библии: рука с поднятым указательным пальцем. Этот рисунок расположен около отчеркнутого фрагмента 38-й главы, где речь идет о родах Фамари: «Во время родов ее оказалось, что близнецы в утробе ее. И во время родов ее показалась рука (одного); и взяла повивальная бабка и навязала ему на руку красную нить, сказав: этот вышел первый. Но он возвратил руку свою; и вот, вышел брат его. И она сказала: как ты расторг себе преграду? И наречено ему имя: Фарес. Потом вышел брат его с красной нитью на руке. И наречено ему имя: Зара» (Быт. 38: 27–30). Здесь Гоголя интересует не просто тема первородства – таких ситуаций в Библии немало – а также то, что Фарес вошел в «мессианскую линию», став праотцом Христа.

Писатель не только вдумчиво читал Псалтырь, оставляя пометы на ее полях, но

и делал выписки из нее. Известны несколько сохранившихся гоголевских автографов. В одном из них, представляющем собой альбом в переплете из пятидесяти двух листов, рукой Гоголя записаны параллельно на греческом и латинском языках некоторые псалмы. Другие два автографа с выписками из Псалтири написаны на церковнославянском языке.

§3. О смысловом сходстве помет Н.В. Гоголя с библейским текстом в произведениях писателя

Карандашные пометы Гоголя на принадлежавшей ему Библии помогают лучше понять ход его мысли, объективно и глубже увидеть смысл произведений. Больше всего помет – на полях посланий св. апостола Павла. И это не случайно. В письме писателя к сестре Ольге Васильевне от 20 января (н. ст.) 1847 года Гоголь замечает: «Особенно <...> хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу» (XIV, 49). В «Авторской исповеди» Гоголь напоминает о «великой истине слов апостола Павла, сказавшего, что весь человек есть ложь» (VIII, 216). На полях своей Библии против этих слов св. апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 3, ст. 4) он сделал помету: «Человек Ложь, Бог истинен» (IX, 150).

В произведениях Гоголя нашли отражение многие идеи из апостольских посланий, например, о «внутреннем человеке». Само это выражение восходит к словам св. апостола Павла: «...но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни» (2 Кор. 4: 16). Писатель много размышлял над понятием «внутренний человек», в Библии он отметил апостольские слова записью: «Наш внешний человек тлеет, но внутренний обновляется» (IX, 154). С данными размышлениями связаны и его автографы на полях Послания к Колоссянам св. апостола Павла: «Облекитесь в Нового человека» (IX, 156), «Как облечься в Нового человека» (IX, 156).

Гоголевские размышления о «внутреннем человеке» нашли отражение в виде библейской реминисценции в тексте второго тома «Мертвых душ», в отрывке, где речь идет о Тентетникове, в котором «не успел образоваться и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек» (V, 258).

Не только послания, но и непростая судьба св. апостола Павла нашла отклик в произведениях писателя (вспомним слова отца Катерины из «Страшной мести», где он говорит дочери: «Слышала ли ты про апостола Павла, какой он был грешный человек, но после покаялся и стал святым» (II, 226)). В некотором смысле имя «Павел» было синонимом слову «апостол», что было особенно характерно для патристической литературы: «Когда, витийствует Златоуст, ты скажешь: Апостол, все разумеют Павла» [Гольденберг 2007: 136]. Этим воспользовался Гоголь в «Мертвых душах»: имя главного героя намекает на будущее возрождение героя, превращение из «мертвой души» в «живую», нахождение праведного пути, ведущего в конечном итоге в Царствие Божие.

Гоголевские пометы на полях его личной Библии свидетельствуют об особом интересе писателя к теме обретения Небесного Царствия. Но что есть «Царствие Небесное»? Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в одной из своих проповедей заметил: «Знаю, что есть немало людей, которые совершенно неверно представляют себе Царство Небесное. Их представление очень близко к примитивному представлению о нем мусульман: они думают, что Царство Небесное – это радостная жизнь в роскошных райских садах, где будут их услаждать своим пением, танцами и музыкой прекрасные молодые женщины, где будут они наслаждаться роскошными яствами» [Проповеди годового круга 2009: 592–593]. Ответ на этот вопрос дает Евангелие: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «Вот, оно здесь», или «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас» (Лк. 17: 20–21).

В Нагорной проповеди перечислены условия стяжания Царствия Божия, и одно из них – прощение. Даже в Ветхом Завете, где разрешалась месть (око за око, зуб за

зуб, кровь за кровь...), есть призыв возложить воздаяние на Господа («возложи на Господа печаль твою» (Пс. 54: 23)). Новый Завет же предупреждает: «Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6: 14–15). Писатель отметил эти слова пометой «прощение».

Яркий пример Гоголь дает в эпилоге «Страшной мести», где Иван идет против этой евангельской заповеди и в мстительных помышлениях превосходит по жестокости своего палача, обрекая на гибель невинных потомков Петра. Потому Господь и оставляет его: «Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал Бог. – Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе Царствия Небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своем!» (I, 245–246).

Другая помета Гоголя – «стяжание» – напоминает, как опасна чрезмерная привязанность к чему-либо земному: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6: 19). Эта тема проходит сквозным мотивом через его творчество. Судьбами своих героев – Башмачкина из «Шинели», Чарткова из «Портрета», Плюшкина из «Мертвых душ» – писатель показывает, насколько губительным может оказаться стяжание.

В повести «Шинель» Гоголь раскрывает актуальность евангельских слов «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21): Башмачкин, лишившись шинели, из-за чрезмерной привязанности к ней не может найти покой и после смерти. Другой гоголевский герой, Чартков, погнавшись за земными богатствами, теряет небесный дар – талант. А Плюшкин, поглощенный заботой о мелочах вроде кусочка сургуча или клочка бумаги, теряет огромное богатство: «..сено и хлеб гнили, клады и стоги обращались в чистый навоз, <...> мука в подвалах превратилась в камень, <...> к сукнам, холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль» (V, 116). И что еще страшнее – губит свою душу.

Помета «Литургия» свидетельствует об интересе писателя к церковной службе,

стремлении лучше ее понять. Эта помета расположена вверху листа и относится скорее ко всей 14 главе Послания, чем к конкретным стихам. Вполне возможно, отмечая это место, Гоголь думал о своем будущем произведении – «Размышлениях о Божественной Литургии».

Изучение гоголевских помет помогает лучше понять некоторые факты биографии писателя. Существует мнение, что Гоголь уморил себя голодом, пытаясь соблюсти чрезмерно строгий пост. Но писатель был знаком с постом с детства, и о правильном понимании поста – в церковном духе – неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов, а также пометы на Библии [См.: Воропаев 2014: 226–227]. И подобное мнение противоречит словам самого писателя: «Пост не дверь ко спасенью» (IX, 152), написанным карандашом на полях напротив слов св. апостола Павла: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (1 Кор. 8: 8).

Другое подтверждение духовного понимания Гоголем смысла поста – помета «пост» [РО ИРЛИ], написанная напротив слов: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (Мф. 6: 16). Эти и другие пометы, а также выписки писателя из творений святых отцов дают более полную картину представления писателя о посте.

Тема еды и отношения Гоголя к ней уже исследовалась раньше: Ю.В. Балакшина объединяет несколько ветхозаветных помет в тематическую группу еды. В Ветхом Завете писатель отмечал те места, где речь идет о запрете, ограничениях в сфере пищи, в то время как «ни заповеди о вкушении пищи, данные Адаму и Ною, ни сцена гостеприимства Авраама – прообраз евхаристии – не отмечены писателем» [Балакшина 2007: 308]. Ю.В. Балакшина объясняет такой интерес писателя его опытом болезни (связанной с желудочным расстройством). Новозаветные пометы Гоголя позволяют взглянуть на отношение Гоголя к еде под

иным углом.

Вопрос о карандашных пометах Гоголя на Библии и их смысловых параллелях с библейскими реминисценциями в его произведениях находится в стадии разработки – затрагивались лишь отдельные аспекты, не создающие полноценного представления о проблеме. Представляется перспективным дальнейшее изучение взаимосвязи помет с библейским текстом, поскольку в них своеобразно отражаются религиозные поиски и воззрения писателя. Это открывает путь к более объективному осмыслению библейского текста в его творчестве и к адекватной интерпретации сочинений.

ГЛАВА 3

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В РАННЕЙ ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ

§1. «Мне отмщение, Аз воздам» (Рим. 12: 19). Тема отмщения в «Страшной мести» и ее библейские параллели

Библейский текст в гоголевской прозе конца 1820-х – начала 1830-х годов представлен в виде единичных упоминаний библейских образов, сюжетов или речений. Исключением является «Страшная месть», которая стала первым произведением, где текст Священного Писания приобрел смыслообразующую роль. В финале повести изображена картина Божьего суда, само произведение насыщено библейскими реминисценциями, значимость которых обозначил Ю. Барабаш: «Нигде до этого Гоголь не касался духовно- и религиозно-этических проблем такого уровня и масштаба, как в притче о побратимах, нигде не подходил так близко к трактовке экзистенциальных понятий вины, возмездия и кары в духе Иисусова учения о человеколюбии, милосердии, всепрощении» [Барабаш 2001].

В «Страшной мести» отражены размышления Гоголя о необходимости жить в мире, прощать врагов. Дошедшие до нас карандашные пометы писателя на полях Библии свидетельствуют о его интересе к этой теме: «Как быть со всеми» (IX, 158), «Как быть с богатыми» (IX, 158), «Поведение к ближним» (IX, 151).

Наиболее созвучна смыслу «Страшной мести» карандашная помета «Мир со всеми» (IX, 151), которой Гоголь отметил слова св. апостола Павла «Никому не воздавайте злом за зло <...> будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12: 17–19). Эти слова можно рассматривать как ключевую библейскую реминисценцию повести.

Взгляд на тему мести сквозь призму Священного Писания способствует пониманию судеб героев, объясняет, почему Иван наказан за свою месть и лишен

надежды на спасение души и Царствия Небесного. Сравнительный анализ ново- и ветхозаветного толкования мести выявляет различия суда Божьего и людского и разрешает внешнее противоречие в финале повести, когда Бог, с одной стороны, предоставляет герою свободу личного выбора, а с другой стороны, строго судит его за несправедный выбор: «Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе Царствия Небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своем!» (I, 245–246).

В Ветхом Завете можно найти много примеров, разрешающих вершить человеку правосудие над обидчиком. Неоднократно встречаются призывы воздать ему по заслугам, причем закон разрешает даже кровную месть: «Отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21: 23–25), «Мститель за кровь сам может умертвить убийцу; лишь только встретит его, сам может умертвить его» (Чис. 35: 19). Однако при этом вводится правило не мстить своим близким, родственникам и соотечественникам: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего...» (Лев. 19: 18), «Помни заповеди и не злобствуй на ближнего» (Сир. 28: 7).

Евангелие призывает человека не только не враждовать «на брата» и любить «ближнего, как самого себя», как было завещано еще старым Законом (Лев. 19: 17–18), но любить и врагов, благословлять «проклинающих вас», благотворить «ненавидящих вас», молиться «за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5: 44, Лк. 6: 28). Прощение предполагает не забвение обиды, а отказ от попыток причинить ответное зло, переложить воздаяние в руки Господа, о чем неоднократно говорится и в Ветхом, и в Новом Заветах: «Никому не воздавайте злом за зло» (Рим. 12: 17). Господь предстает как единственно возможный Мститель и Судья: «У Меня отмщение и воздаяние...» (Втор. 32: 35).

На первый взгляд, кажется, что месть, выдуманная Иваном, вписывается в рамки ветхозаветного закона («око за око...»). Однако, при подробном рассмотрении

она представляется как тяжелый грех. Своей мстью Иван обрекает на гибель род своего недруга, неповинных людей, потомков Петра – на духовную смерть.

Гоголь затрагивает в повести вопрос о «родовом проклятии» – о том, что из-за действий одного человека могут страдать невинные потомки до четвертого поколения («Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода» (Иез. 13: 18)). В повести писатель показывает, как отразилось проклятие Ивана на последнем представителе рода Петра.

В литературоведении сложились две различные точки зрения на судьбу этого героя. Согласно первой «он просто обречен» проклятием [Барабаш 2000: 191], и ему предопределено «стать величайшим грешником на земле» [Дунаев 2001: 400]. Иной точки зрения придерживается Т.П. Целехович: «Можно было бы согласиться, что отец Катерины оказывается без вины виноватым, если бы в произведении не содержались элементы, указывающие на приход Того, кто снял с человека древнее проклятие» [Целехович 2004: 71]. В повести есть отсылки к тексту Нового Завета: упоминаются Небесное Царствие, св. апостол Павел, Дамаск, Иуда.

По замечанию Т.П. Целехович, «нигде в отношении отца Катерины (за исключением эпилога) не сказано, что он грешит против воли» [Целехович 2004: 74]. Писатель словами Данилы обвиняет своего героя в том, что он и не думает исправляться: «Нечестивый грешник! Уже и борода давно поседела, и лицо изрыто морщинами, и высох весь, а все еще творит богопротивный умысел» (I, 234).

В тексте повести не раз упоминается, что колдун словно чем-то или кем-то одержим: «ему чудилось, что кто то сильный влез в него» (I, 242), «его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать конем своим <..> Но не от злобы хотелось ему это сделать; нет, он сам не знал отчего» (I, 241–242) – т. е. многие действия он совершает под влиянием невидимой богопротивной силы.

По-разному толкуют литературоведы смысл встречи схимника с героем: если в отказе схимника молиться за него М.М. Дунаев видит исполнение воли Господа,

(лишить потомка Петра возможности покаяться), то Т.П. Целехович связывает это с актом экзорцизма (отчитывания бесноватого). С реминисценцией о бесноватом связана и местность, где жил отец Катерины – каменистое кладбище, где «ни калина не растет, ни трава не зеленеет» (I, 213). Это описание содержит аллюзию на жилище евангельского гадаринского бесноватого, который «имел жилище в гробах» (Мк. 5: 1–13), т. е. в погребальных пещерах.

Подытоживая сказанное об этом персонаже, можно предположить, что герой и жертва родового проклятья, роковой судьбы, и сам виноват одновременно – всю ответственность за свои поступки он должен нести сам: из-за своей слабой воли и нежелания жить праведно он губит свою душу. Человеку предоставлена свобода личного выбора, в повести это подтверждают слова Бога («Пусть будет все так, как ты сказал» (I, 245)). Таким образом, герой обречен не только из-за родового проклятья, а скорее потому, что сделал свой свободный выбор – уже по своей воле продолжать совершать грехи.

Повесть Гоголя заставляет читателя задуматься о причинах существования в мире зла, о мести, ее последствиях и о ее библейском обосновании. Рассмотренные библейские реминисценции способствуют адекватному пониманию смысла произведения.

§2. «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы» (Лк.12: 2). Евангельские параллели в повести «Нос».

В повести «Нос», рассматриваемой с точки зрения этико-религиозных воззрений писателя, обнаруживаются евангельские смысловые параллели. Гоголь в опоре на Священное Писание отразил в этом произведении закон внутренней жизни, выраженный в новозаветных словах: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы» (Лк. 12: 2). Логика этого закона очевидна в

развертывании сюжета. Гоголь напоминает о том, что человек создан по «образу и подобию Божию», и на лице майора Ковалева, лишившемся важной части – носа, отражается истинная суть героя. «Нос как художественный образ обозначает не только внешние, открытые для всеобщего обозрения черты человеческого достоинства, но и его скрытую, внутреннюю, духовную сторону», – отмечает современный исследователь [Бельтраме 2003: 169].

Утеря носа у майора Ковалева уподобляется в данном случае изъянам его души: его бездуховности, безверию. Лишь в минуту отчаяния он вспомнил о Боге: «Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастье?» (III, 54)). Эти слова напоминают о возгласе Христа: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?» (Мф. 27: 46). Данная параллель словно подтверждается выбранным днем – действие повести происходит в пятницу, и именно по пятницам православная церковь вспоминает Крестные муки Господа.

Герой – карьерист, волокита-холостяк, который смысл своей жизни видит в престижном месте («Майор Ковалев приехал в Петербург <...> искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского...») (III, 44)) или выгодной женитьбе («...был не прочь и жениться, но только в таком случае, когда за невестой случится двести тысяч капитала») (III, 44)). Исчезновение носа влечет за собой крушение всех надежд героя на успешную карьеру, чины, богатство. В канве этого сюжета отражен закон, выраженный в Евангелии в лаконичной фразе, являющейся своеобразным выводом из притчи о мытаре и фарисее: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18: 14).

Майор Ковалев не замечает причины произошедшего с ним несчастья, но автор вскользь высказал ее словами частного пристава: «У порядочного человека не оторвут носа <...> много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам» (III, 53). Намек на нечестивость героя и на необходимость его духовного

преображения для восстановления целостности облика содержится в сцене, когда получив нос обратно, он не может его приставить на место,

Однако, душа майора оказывается неспособной к возрождению – герой не видит собственной греховности. После обретения носа он возвращается к своей прежней жизни: «И после того майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам и даже остановившегося один раз перед лавочкой в Гостином дворе и покупавшего какую-то орденскую ленточку, неизвестно для каких причин, потому что он сам не был кавалером никакого ордена» (III, 63). Нос вернулся на лицо, но случайность его возвращения всячески подчеркивается Гоголем: счастливый конец повести писатель акцентировал, но ничем не мотивировал.

Есть основания полагать, что писатель стремился показать за смешными и нелепыми событиями жизни главного героя духовную пустоту, глупость и пошлость всего общества. Об этом свидетельствует, в частности, смысловая наполненность выбранных писателем даты происшествия и места встречи Носа и майора Ковалева.

Из всех событий одного дня, который Нос провел в статусе статского советника (утром он исчез с лица майора, а вечером уже был принесен квартальным), писатель показал всего лишь один эпизод – поездку в храм. Таким образом, описание службы в Казанском соборе и поведения людей, находящихся там, – самое важное событие дня.

Гоголю важно было именно в храме устроить встречу майора Ковалева и Носа. «Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что Нос не может быть в Казанском, то, пожалуй, можно его перевести в католическую [церковь – Е.Г.]» (X, 355), – писал он М.П. Погодину 18 марта 1835 года. Но цензура, не понявшая замысел автора, была согласна только на Гостинный двор, ведь для шутки торговая площадь подходит больше, чем православный храм. Это стало причиной, почему Гоголь долго не соглашался опубликовать «Нос».

Повесть начинается с указания даты: «Марта 25 числа» (III, 40). 25 марта – или 7 апреля по новому стилю – день Благовещения, т. е. благой вести о скором пришествии Спасителя. Описанию пустынного храма Гоголь противопоставляет картину нарядной толпы Гостиного двора, людного проспекта: «На Невском народу была тьма» (III, 47), «дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная от Полицейского до Аничкина моста» (III, 47). С помощью этого противопоставления – пестрой толпы и пустынного огромного Казанского собора в праздник Благовещения, совпавшего с днями строгого Великого поста⁵ – Гоголь «делает явным» духовный кризис общества: за внешней красотой людного «цветочного водопада» на Невском проспекте скрыта его духовная пустота.

Н. Ульянов обратил особое внимание на дату, указанную в первоначальном наброске: происшествие с носом отнесено к 23-му февраля. В этот день на шестом часу читается первая глава пророка Исаии, в которой обличается забывший своего Бога народ: «Господь говорит <...> Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает» (Ис. 1: 2–3). По мысли исследователя, вполне возможно, что именно в этот февральский день под влиянием ветхозаветных слов и «зародилось видение праздничной, нарядной толпы на Невском, забывшей Бога, отвернувшейся от Его храма» [Ульянов 2009: 772].

Таким образом, оказывается, что в повести-шутке скрывается призыв увидеть за пустой суетой обыденной жизни духовные явления, которые «ближе нашего носа к нам». И благодаря этому призыву, по замечанию С.Г. Бочарова, «абсурдная головоломная история вдруг приобретает в этом простодушно-проницательном пересказе простые черты почти что евангельской притчи!» [Бочаров 1993: 83].

Разнообразные евангельские фрагменты повести, на которые ориентируется

---

⁵Случается, что Благовещение приходится и на Светлую седмицу, однако в данном случае это исключено, так как указана не только дата, но и конкретный день – пятница. При самой ранней Пасхе – 22 марта по ст.ст. – Благовещение пришлось бы на среду Светлой седмицы.

писатель, объединяются в единое целое, обеспечивая таким образом своеобразный библейский контекст, в котором раскрывается полнота смысла художественного слова Гоголя. Библейский текст писателя позволяет взглянуть как бы с высоты на художественную картину мира повести и увидеть то тайное, что разворачивается в логике сюжета и становится явным, обнаруживая невидимое «внутреннее» содержание жизни. В этом ключ к осмыслению повести.

§4. «Мирись с соперником своим скорее» (Мф. 5: 25–26). Тема прощения в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»

Священное Писание помогает понять смысл повести гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» – в отрыве от евангельского текста теряется то нравственное поучение, которое содержится во многих произведениях Гоголя. Повесть превращается просто в забавную и смешную историю о том, как из-за пустяка поссорились два приятеля. Если же смотреть через призму Евангелия, то мы увидим грустную, даже страшную историю – к чему приводит гордость и непощение. Повесть имеет много смысловых параллелей в Новом Завете:

– «Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (Кол. 3: 12–13),

– «И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собой» (1 Кор. 6: 7);

– «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18: 35),

– «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату

моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 21–22),

– «Кто говорит «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4: 20–21).

В сюжетной канве повести отражен смысл слов св. апостола Матфея: «Мирись с соперником своим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5: 25–26). В этом евангельском предостережении содержится как бы в свернутом виде вся гоголевская история. После ссоры бывшие приятели из-за гордости не сделали попыток к примирению – наоборот, боясь, что соперник опередит, поспешили к судье с требованием наказать обидчика: Иван Никифорович просит недруга «в кандалы заковать и в тюрьму, или государственный острог, препроводить, и там уже, по усмотрению, лиша чинов и дворянства, добре барбарами шмаровать [бить плетьюми – Е.Г.] и в Сибирь на каторгу по надобности заточить; проторы [издержки, расходы – Е.Г.], убытки велеть ему заплатить» (II, 478), а Иван Иванович – привлечь «ко взысканию штрафа, удовлетворения проторей и убытков присудить и самого, яко нарушителя, в кандалы забить и, заковавши, в городскую тюрьму препроводить» (II, 474).

Тяжба, длившаяся долгие годы, сказала на благосостоянии непримиримых врагов, готовых отдать все – «до последнего кодранта» [мелкая древнеримская монета – Е.Г.] – чтобы получить положительный ответ. Разрушительно подействовала ссора и на самих героев – рассказчик не узнал их сперва, а затем отметил губительные изменения: «Некогда вполне здоровые и крепкие герои превращаются в седых морщинистых стариков, которых трудно узнать» [Александрова 2011: 202]. Любой грех – как болезнь – оставляет свой отпечаток на

человеке.

Но почему же гоголевские герои не в силах преодолеть этот грех? Человеку нужна сильная воля, чтобы вырваться из невидимых сетей греха. Своим, как всегда метким, выражением – «Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам черт связал веревочкой» (II, 453) – Гоголь напоминает о власти тайных, порою трудно преодолимых темных сил над людьми.

Гоголь описывает в повести, как отступление героев от заповеди о любви к ближнему мешает их примирению и ведет к затяжной тяжбе: ведь евангельское понимание любви предполагает прощение. Поэтому, хотя жители Миргорода неоднократно пытались примирить бывших друзей, однако гордыня и себялюбие – неотъемлемые спутники обиды – каждый раз не позволяли вспомнить евангельскую заповедь о том, сколько раз нужно прощать согрешившего: «до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 22).

Другим напоминанием о появлении нечистой силы в повести – не явно зримом, как в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», а тайном, и потому более опасном и губительном – является эпизод о бурой свинье. Этот эпизод – своеобразное вкрапление библейской реминисценции, намек автора на текст Священного Писания, где это животное представлено как образ неправильной жизни, греха (Лев. 11: 7; Мф. 7: 6; Мф. 8: 30–32; Мк. 5: 11–14; Лк 8: 32–33; 2 Петр. 2: 22). Гоголь, конечно, помнил о гадаринском бесноватом, об этом свидетельствует пословица «Хвалился чорт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти», которую Гоголь упоминает в письме к С.Т. Аксакову (XII, 391). В повести появление свиньи – сначала в разговоре о ружье, с которого началась ссора, а потом и сразу после подачи жалобы – можно рассматривать как знак вмешательства бесов в жизнь главных героев, символ богоотступнической сути этой тяжбы: «В это время бурая свинья вбежала в комнату и схватила, к удивлению присутствовавших, не пирог или хлебную корку, но прошение Ивана Никифоровича, которое лежало на конце стола, перевесившись

листами вниз» (II, 478).

Это событие дает новый виток затихнувшей на время вражде – Иван Никифорович обвиняет Ивана Ивановича, что тот специально подучил свою свинью совершить это «злодеяние»: «...она свинья есть животное глупое и тем паче способное к хищению бумаги. Из чего очевидно явствует, что часто поминаемая свинья не иначе как была подущена к тому самым противником, называющим себя дворянином Иваном, Ивановым сыном, Перерепенком» (II, 484).

В конце повести герои переносят вражду даже в церковь, «переноса, тем самым, прозаическую ссору в совершенно иную духовную перспективу. Самим вторжением в праздничный день демона разлада в это духовное пространство подчеркивается отказ героев от любви Бога и отказ от Его благодати» [Есаулов 2004: 243].

Под влиянием ссоры меняется и общая тональность повести. Праздничная, солнечная атмосфера сменяется унылой, дождливой: «Праздничный день оборачивается днем скучным и больным, окна церкви поэтому “обливались дождливыми слезами”» [Есаулов 2004: 244]. Само описание церкви словно отражает внутреннее состояние героев: «Свечи при пасмурном, лучше сказать – больном дне, как-то были странно неприятны; темные притворы были печальны; продолговатые окна с круглыми стеклами обливались дождливыми слезами» (II, 496). Это омраченное внутреннее состояние героев в конце повести созвучно помете писателя, оставленной им на полях Библии: «Невидяй брата – во тьме» (IX, 149).

Пометы на Библии свидетельствуют об интересе Гоголя к темам взаимоотношений между людьми, любви и ненависти, прощения. Так, например, в Первом Соборном Послании св. апостола Иоанна Богослова писателя привлекли слова: «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3: 11–18), – он отметил их подчеркиванием и пометой «Кто суть любящие и нелюбящие брата» (IX, 150). Судьба таких людей раскрывается во второй главе этого

же послания в стихах 9 и 11, на полях которой Гоголь сделал пометы, отражающие смысл новозаветного отрывка: «Ненавидяй брата – во тьме» (IX, 149), «Любящий брата ходит во Свете» (IX, 150).

Явные смысловые взаимосвязи прослеживаются между повестью и началом четвертой главы Соборного Послания св. апостола Иакова, напротив которой Гоголь сделал запись «Откуда брани и свары?» (IX, 149): «Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите. Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4: 1–3). Здесь вполне очевидна смысловая параллель с гоголевской повестью: Иван Иванович хотел приобрести ружье не для какой-либо пользы, а просто – чтоб было. Он просил – и не получил. Из-за этого и началась вражда.

Многие повести Гоголя, при всей их веселости и легкости, полны глубокого смысла и потому раскрываются только при внимательном прочтении. Евангельские параллели, которые обнаруживаются в них, способствуют более глубокому пониманию нравственного смысла произведений. Таким нравственным смыслом, имеющим большое воспитательное значение, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» является заповедь о евангельской любви к ближнему, подразумевающей прощение, нарушение которой всегда чревато расплатой: «Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6: 7).

§5. «Не участвуйте в делах тьмы» (Еф. 5: 11). О смысле финала повести «Вий»

Библейская реминисценция «Не участвуйте в бесплодных делах тьмы» (Еф. 5: 11) проясняет смысл финала повести Гоголя «Вий»: за отступление от праведного образа жизни, за участие в делах тьмы неминуемо следует возмездие – такова логика

причинно-следственной связи событий, приведших к гибели главного героя Хомы Брута. Гоголю был дан удивительный дар обостренного ощущения мирового зла, которое он понимал как проявление темных, дьявольских сил в мире. «Человек, родившийся с чувством космического ужаса, видевший вполне реально вмешательство демонических сил в жизнь человека» [Мочульский 2004: 154]. Чуткая душа Гоголя выплеснула это ощущение в призыве-предупреждении к соотечественникам в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Диавол выступил уже без маски в мир <...> он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им» (VI, 201).

В «Вие» Гоголь призывал читателей задуматься о своей жизни. Как пишет современный исследователь: «Фольклорные и этнографические реалии, использованные Гоголем с таким мастерством в его ранних произведениях, выполняют функцию притчи, иносказания, с помощью которых писатель говорит нам о том же, о чем будет сказано в «Ревизоре» и «Мертвых душах», – то есть о добре и зле, о силе Божией и силах тьмы, поле битвы которых – сердце человеческое (как скажет об этом Достоевский)» [Воропаев 2007: 133]. Страх Божий и память о Страшном суде способны удерживать людей от «участия в делах тьмы».

В многоплановом содержании повести переплетены различные библейские реминисценции. Среди них – свет и тьма: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1: 5). Эта мысль неоднократно звучит в Библии. Примечательна карандашная помета Гоголя на полях Библии: «Сокровище света носим в немощных телах» (IX, 154).

В художественном мире повести можно проследить антитезу «свет» – «тьма». Светлому дню противопоставлен ночной разгул нечистой силы: «Вдруг <...> среди тишины <...> с треском лопнула железная крышка гроба и поднялся мертвец. Еще страшнее был он, чем в первый раз. Зубы его страшно ударялись ряд о ряд, в судорогах задергались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинания. Вихорь

поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стекла окошек. Двери сорвались с петель, и несметная сила чудовищ влетела в Божью церковь. Страшный шум от крыл и от царапанья когтей наполнил всю церковь» (II, 448). Не случайно при описании ночи упоминается ад: «Ночь была адская. Волки выли вдали целую стаей. И самый лай собачий был как-то страшен». Хома гибнет перед третьим – последним – криком петуха, символом окончания ночи (тьмы) и начала дня (света).

Противопоставление света и тьмы звучит контрастной полифонией на всех уровнях формы и содержания. Тьма присутствует и в мыслях героя: «Какая-то темная мысль, как гвоздь, сидела в его голове. За вечерей сколько ни старался он развеселить себя, но страх загорался в нем вместе с тьмою, распростиравшеюся по небу» (II, 442).

За участие в делах тьмы неизбежно придется давать ответ на Божьем суде. В Новом Завете греческое слово «суд» (крисис) часто означает не столько «выносить решение», сколько «разделять». В Евангелии от Матфея Страшный суд описывается именно как разделение, отделение: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Мф. 25: 31–33). Божий суд судит, то есть разделяет людей, по их делам: участвуют ли они в «делах тьмы» или нет.

Апокалипсический мотив присутствует не только во внешних деталях, но и в глубинном смысле повести. Тьма – это зло не только вне, но и внутри самого человека: как извращение человеческой природы, как омертвление души.

Хома Брут вовсе и не желает участвовать в делах темных сил – но власть тьмы втягивает его в свои дела. Вот здесь и проверяется твердость веры. Об этом размышлял Гоголь, написавший на полях своей Библии «Стойте твердо» (IX, 157) напротив строк Второго послания к Фессалоникийцам св. апостола Павла: «Итак,

братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2 Фес. 2: 15). С первых же страниц «Вия» писатель показывает слабость веры и непристойную жизнь бурсака, богослова Хома Брута, который постоянно и сознательно нарушал заповеди, в чем сам признавался: «Я святой жизни? <...> Бог с вами, пан! Что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходил к булочнице против самого страстного четверга» (II, 431). Это признание героя свидетельствует о его духовном изъяде, открывающему путь бесам. Он оказывается «нечестивым», хотя, как бурсак, не имеет на это право.

Хома хочет быть сильным и подзадоривает себя: «Чего бояться? <...> Да и что я за козак, когда бы утратился?» (II, 440). Он способен собраться с силами: однажды молитвой победил оседлавшую его, как верхового коня, ведьму. Но в целом он расслаблен и оправдывается поговоркой: «Чему быть, того не миновать» (II, 417). Поэтому и был втянут в дела тьмы, не смог выдержать испытания: ««Не гляди!» – шепнул ему какой-то внутренний голос. Но не вытерпел он и глянул» (II, 449). В результате «бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха» (II, 449). Нарушение героем запрета «не гляди» невольно ассоциируется с ослушанием Бога жены Лота, оглянувшейся на гибнущий Содом⁶ и превратившейся в соляной столп.

Гоголь отмечает у своего героя «странное любопытство» и нетерпение, которое и погубило его: «Он [Хома – Е.Г.] отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному поперечивающему себе чувству, не оставляющему человека особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз» (II, 439).

Внутренний голос предостерегал Хому от зрительного контакта с нечистой силой: «Не гляди!» (II, 449). Идея нарушения этого запрета последовательно развита

---

⁶Содом и Гоморра – знаменитые библейские города, ставшие символом безнравственности, за что и были разрушены Богом.

Гоголем в сюжете повести: не гляди (как запрет) – глянул (нарушил) – умер от страха (следствие). Пока герой не смотрел, ему было легче: «Не побоюсь, ей-Богу, не побоюсь!» (хотя, по сути, боюсь) (II, 447). Когда глянул, стало не просто страшно. В лексике повести передан нарастающий страх: «грозно», «страшно» – «еще страшнее» – «с ужасом», и в результате разрушающей силы страха «вылетел дух из него» (II, 449). В поэтике повести страх приобретает особое значение. Писатель использует его как мощное воспитательное средство, вынуждая читателя из-за боязни возмездия свыше уклоняться от зла.

Хома умер от страха, от маловерия, хотя среди литературоведов есть и другие мнения. Так, например, И. Монахова сравнивает Хому с мучениками, погибшими за веру: «Вывод о поражении Хома Брута ошибочен в принципе: никогда в христианской традиции физическая гибель героя-христианина не считалась его поражением в духовной брани» [Монахова 2009: 275]. Подобные суждения лишний раз подтверждают слова Гоголя о том, что его произведения могут ввести в заблуждение по поводу их смысла: «...почти всех ввели в заблуждение насчет их настоящего смысла» (VI, 8).

Ответ о причине гибели Хома можно найти в словах его приятеля Тиберия Горобца: «А я знаю, почему пропал он (Хома – Е. Г.): оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать» (II, 449–450). Побеждают только сильные духом, твердо стоящие в вере, о чем напоминает гоголевская помета «стойте твердо» (IX, 157).

В подстрочном комментарии Гоголь указал, что «вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал» (II, 414). Ученым не удалось обнаружить фольклорный источник, точно соответствующий «Вию». Однако это никак не ставит под сомнение слова автора. Возможно, оно отсылает нас к народным сказкам, где герои силой молитвы побеждали врага и оставались живы. Этим героям противопоставлен Хома,

который читал молитвы небрежно, а то и вовсе не то, что написано в книге, а какие-то свои «заклинания». Такой «молитвенник» не способен победить беса. Отмечено, что если «герои Гоголя оказываются подчас устрашены и даже побеждены бесовскими кознями, то это свидетельствует лишь о том, что в них самих был тот духовный изъян, который открыл к ним доступ и дал возможность так дерзко хозяйничать в их душах бесовской силе. Человеческие страсти и пороки – вот причина разгула и временной победы темных сил» [Воропаев 2007: 132–133].

Гоголь завершает повесть смертью героя в назидание читателям, как напоминание, что за отступления от праведного образа жизни, за «участие в делах тьмы» неминуемо следует возмездие. Каждая повесть Гоголя, по замечанию В.М. Гуминского, несет в себе какой-то урок, «как бы загадывает читателю особую загадку, разгадывание которой только и может позволить нам проникнуть в замысел автора» [Гуминский 2004: 350]. Сам Гоголь не дает прямого ответа, и только вдумчивый читатель может увидеть глубокий смысл каждого произведения, которое становится более заметным при взгляде на него сквозь призму Священного Писания.

ГЛАВА 4

ОСОБЕННОСТИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ (1842–1852)

§1. Библейские реминисценции в повести «Шинель»

«Шинель» не раз привлекала внимание исследователей библейского текста в произведениях Гоголя. Повесть не содержит прямых отсылок к Библии, но, по словам М.М. Дунаева, в ней «опора на новозаветную мудрость у Гоголя несомненна, не прямое цитирование Писания слишком очевидно» [Дунаев 2001: 428].

В «Шинели» переплетаются несколько реминисценций из Евангелия, существенно влияющих на ее восприятие. Одну из них – о земных и небесных сокровищах – можно выделить как ключевую. История Башмачкина, который выбрал сокровище земное, а не небесное, становится развернутой художественной иллюстрацией к словам из Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 19–21).

Писатель неоднократно отмечал в Библии места, где говорится об этом:

– помета «Стяжание» [РО ИРЛИ] напротив слов «Не собирайте себе сокровищ на земле» (Мф. 6: 19);

– помета «Хотящие богатиться впадают во все сети» (IX, 158) напротив слов «А желающие обогащаться впадают в искушение <...> ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые <...> сами подвергли себя многим скорбям» (1 Тим. 6: 9–10);

– помета «Не теряйте благодати ради снедей мира» (IX, 160) напротив слов

«Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией <...> чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства» (Евр. 12: 15–16) и др.

Вопрос об опасности чрезмерной привязанности к вещам как всему тленному на земле, обреченному в итоге на неизбежную гибель и потерю, стал одним из важнейших в переписке Гоголя начала 1840-х годов. В письме к А.С. Данилевскому (20 июня 1843 года) писатель высказывал мысли о том, что человеку необходимо иметь внутри центр, подобный «неподвижному якорю», «на который оперевшись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни» (XII, 252). Итог своих размышлений на эту тему он отразил в «Шинели».

О значении библейской реминисценции о сокровищах для понимания смысла произведения писал еще Д.И. Чижевский. Исследователь указывал, что помимо важных, но все-таки второстепенных тем вроде отношения к ближнему («я брат твой»), Гоголь пытался разрешить более сложный психологический вопрос, проблему «духовной борьбы» [Чижевский 2004: 286].

Развивая мысли, высказанные Д.И. Чижевским и М.М. Дунаевым, П.Е. Бухаркин в статье «Об одной евангельской параллели к «Шинели» Гоголя» рассмотрел отражение в повести Нагорной проповеди, а именно евангельских слов о земных и небесных сокровищах (Мф. 6: 19–21), и их значение для понимания смысла произведения. Отметив отсутствие в повести прямых отсылок к этому речению, исследователь раскрыл принципиальную важность новозаветного текста для понимания «магистрального направления смыслообразования» повести и «семантики возникающих оценок героя и мира» [Бухаркин 1996: 200]. Евангельская заповедь, рассмотренная в качестве претекста повести, «обогащает содержательный потенциал «Шинели»», вносит дополнительные и существенные оттенки [Бухаркин 1996: 202].

В таком контексте кража шинели Акакия Акакиевича приобретает новое

значение: это не случайность, а закономерный итог собирания сокровищ. Шинель не может навечно остаться с героем, и, как и предостерегает Евангелие, появились воры и украли ее. Дополнительный смысл обретают слова одного из грабителей: «А ведь шинель-то моя!» (III, 134). Речь здесь идет не о том, что шинель принадлежит грабителю, а о том, что она не принадлежит и Башмачкину.

Ощущение ненадежности и переменчивости всего земного пронизывает даже стилистику повести: «Сравнительные и превосходные степени, особенно те из них, которые не привились к русскому языку или не совсем к нему привились, участвуют в создании мира весьма неустойчивых ценностей» [Чичерин 1977: 134].

Акакий Акакиевич, одной стороны, «самый ничтожный из всех ничтожных героев Гоголя» [Купреянова 1981: 574], с другой – его любовь к своему делу, кротость и непритязательность не раз побуждали исследователей сравнивать героя со святыми подвижниками, а в «Шинели» видеть черты агиографического жанра. Библейская реминисценция о сокровищах указывает на новые, более глубокие смыслы, связанные с образом Башмачкина.

Мотив земных сокровищ является определяющим в повести, с ним связаны различные сюжетные коллизии. Вокруг него группируются другие реминисценции из Библии, которые полифонически звучат с основным мотивом и обнаруживают в сюжете логику причинно-следственного развития. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

В простодушно наивном, беззащитном Акакии Акакиевиче заметны детские черты: смирение, беззлобие, прощение, что вызывает аллюзию на евангельский текст о детях и «детские» евангельские реминисценции. Гоголь словно напоминает в повести о словах Спасителя, которые он отметил в своей Библии пометой «Смиряться как дитя боль<ше> в Царствии Небесн<ом>» [РО ИРЛИ]: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3), «Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18: 4). Словам св. апостола Павла: «на

злое будьте младенцы» (1 Кор. 14: 20) близок по смыслу ответ Акакия Акакиевича на насмешки товарищей: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» (III, 119).

В словах Башмачкина выразилась, как подметил безымянный персонаж повести – молодой человек, своеобразная мольба не забывать о том, что даже самый ничтожный и унижаемый человек все-таки «брат твой». Исследователи неоднократно отмечали соответствие этих слов словам св. апостола Иоанна: «Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет» (1 Ин. 2: 10–11), «И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин. 4: 21).

Не все люди, окружающие Акакия Акакиевича, находят в себе способность «обратиться» и «умалиться». В погоне за земными сокровищами – будь то богатство или слава – люди забывают о ближних.

Евангельское детское отношение к обидам главного героя рождает как следствие отклик сочувствия (евангельской любви к ближнему) у упомянутого молодого человека. Здесь можно заметить еще одну реминисценцию – «о внутреннем духовном обновлении», которая отсылает к словам св. апостола Павла, отмеченных Гоголем на полях Библии пометой: «Облекитесь в Нового человека» (IX, 156). Апостол предостерегал от власти тьмы словами: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его. Итак облекитесь <...> в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу» (Кол. 3: 9–10, 12).

Таким образом, в молодом человеке пробудился «внутренний человек»: слова Акакия Акакиевича так подействовали на него, что «с тех пор как будто все переменилось перед ним, и показалось в другом виде» (III, 119). И это изменение не временное: «... и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в

человеке бесчеловечья» (III, 119).

В сюжетной канве финала повести можно увидеть ассоциативную связь с евангельскими словами: «Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14: 11). Эта реминисценция связана с еще одним персонажем повести – со значительным лицом. Всякое самовозвышение, как и любой грех, по законам духовной жизни неминуемо будет иметь губительные последствия для человека, и Гоголь воплощает эту евангельскую заповедь в сценах встреч Башмачкина и генерала. Автор противопоставляет главному герою, скромному чиновнику, генерала, которого на протяжении всего повествования называет «значительным лицом».

Гоголь показывает, как земное сокровище – в данном случае им становятся чин и власть – изменяет человека. Нельзя сказать, что генерал плохой человек, но чувство собственной значимости и страсть самовозвышения начинают разъедать его душу, он даже получает удовольствие от унижения Акакия Акакиевича: «Значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх» (III, 139–140). Позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь описал гордого своей чистотой «праведника», который «отталкивает <...> от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего» (VI, 200).

В евангельском изречении заключена причинно-следственная связь: если возвысишься, то унижен будешь. Раскрывая первую часть изречения, Гоголь показывает, как самовозвышение, превышающее меру, переходит в страсть, затмевающую разум, что в итоге приводит к трагическим последствиям: смерти главного героя.

Смерть Акакия Акакиевича изменила его обидчика. В душе генерала происходит обновление – пробуждение его совести, чувства сожаления (он «слышал упреки совести и весь день был не в духе» (III, 143)). Значительное лицо оказался едва ли не единственным человеком, кому не была безразлична смерть Башмачкина, кто испытал угрызения совести из-за своей причастности к ней. Таким образом, автор словно намекнул на возможность внутреннего обновления своего героя: «Генеральский чин совершенно сбил его с толку <...> он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть» (III, 137).

Вторая половина упомянутого изречения – «унижен будет» – раскрыта Гоголем как неминуемое наказание по закону «что посеете, то и пожинать будете» (Гал. 6: 7). В фантастическом финале униженный Башмачкин словно сводит счеты с генералом: «Ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да еще и распек – отдавай же теперь свою!»» (III, 144).

По замечанию исследователя, здесь «фантастически осуществляется потенциальная реальность, в которой «первые» становятся «последними», «последние» – «первыми»» [Бочаров 1978: 207]. Речь идет о библейских словах: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 20: 16), которые близки по смыслу евангельскому отрывку про возвышение и унижение. Акакий Акакиевич преображается, несмотря на земное унижение, становится судьей, мстителем, а значительное лицо оказывается беззащитным перед ним. Но за свою месть, а также за привязанность к земному сокровищу Башмачкин лишается Небесного Царствия.

В начале повести автор акцентирует нарочитую приземленность своего героя. Вся жизнь Башмачкина ограничена работой: «Там, в этом переписыванье, ему

виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его» (III, 119). А.А. Григорьев в статье «Гоголь и его последняя книга» отметил: «...в образе Акакия Акакиевича поэт начертал последнюю грань обмеления Божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником беспредельной радости и уничтожающего горя до того, что шинель делается трагическим *fatum* в жизни существа, созданного по образу и подобию Вечного...» [Григорьев 1982: 113–114].

В жизни Башмачкина один кумир – работа – сменяется другим – шинелью. Гоголь подчеркивает значимость дня ее приобретения в жизни Башмачкина: «Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник» (III, 131). И.А. Виноградов сравнивает этот день с самым «светлым праздником» – настоящим «воскресением» и «пасхой» [Виноградов 2001: 229]. Ради нее герой вступает на путь «подвижничества»: «Он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» (III, 128).

Новая шинель «вводит» героя в тот мир, где он раньше был чужим – но это тот самый мир, который так ужаснул молодого человека, коллегу Акакия Акакиевича. Свое горе и отчаяние Башмачкин вынужден переживать в одиночестве. Безразличие к его судьбе проявляется и ранее, в эпизоде праздничного вечера у чиновника, где он становится просто развлечением для гостей.

Гоголевские герои нарушают заповедь о любви к ближнему, и как следствие их души мертвеют, а жизнь становится пустой и бессмысленной. Смерть Башмачкина закономерна: он гибнет потому, что у него нет центра, по словам Гоголя, на который он мог бы опереться и «пересилить и самые страдания и горе жизни» (XII, 252). И даже после смерти герой не может найти покоя, «ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21). И не случайно за украденной шинелью он возвращается не в облике воскресшего человека, а как оживший мертвец.

В повести звучит мотив «искушения». «Змеем-искусителем» в данном случае выступает портной Петрович, на связь этого персонажа с нечистой силой обратил внимание Д.И. Чижевский [Чижевский 2001]. Исследователь отметил, что в повести слово «черт» упоминается несколько раз, но только в одном месте повести, в связи с Петровичем, который подал Башмачкину идею сшить новую шинель и наотрез отказался чинить старую. Вот как Гоголь описывает его отказ: «Как только узнал, в чем дело, точно как будто черт его толкнул. – Нельзя, – сказал: – извольте заказать новую» (III, 127). Более того, «одноглазым чертом» называет портного его жена.

Эту тему развил С.Г. Бочаров, отметив, что именно благодаря Петровичу изначальное намерение Башмачкина приобрести новую одежду, чтобы спастись от петербургского холода, приобрело дополнительную негативную мотивацию: соответствие стандартам моды и комфорта [См.: Бочаров 1995]. Это выражается в словах портного, указывающего на то, что новая шинель несет «две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» (III, 131).

Таким образом, мотив земных и небесных сокровищ является определяющим в повести, с ним связаны различные сюжетные коллизии, вокруг него группируются другие реминисценции из Библии. Они полифонически звучат с основным мотивом и обнаруживают в сюжете логику причинно-следственного развития, направленную на художественно убедительное раскрытие духовной сути истинных и ложных ценностей жизни.

§2. Образ дороги в поэме «Мертвые души»: библейский контекст

Поэма Гоголя «Мертвые души» предельно насыщена библейскими цитатами, аллюзиями, реминисценциями, параллелями, ассоциативными связями. Евангельские слова настолько органично вплетаются в гоголевский текст, что являются важным источником его смыслопорождения. Их появление не является

чем-то второстепенным – напротив, они указывают на смысл.

Библейский текст в «Мертвых душах» неоднократно привлекал внимание исследователей. Например, этой теме посвящена монография Е.А. Смирновой, в которой анализируются библейские темы живой и мертвой души, увлечение земным богатством как причина ее омертвления, ветхозаветные образы Вавилона и вавилонского смешения языков, Валтасарова пира [Смирнова 1987].

Цитаты из Библии в поэме подробно исследованы в статье Н.М. Сквиры. [Сквира 2004]. Текст второго тома поэмы насыщен «евангельскими формулами» (выражение Н.М. Сквиры), дословные аналоги которых мы находим в Священном Писании:

Здесь подражает Богу человек (V, 312).	Итак, подражайте Богу, как чадо возлюбленные (Еф. 5: 1).
В падении своем гибнущий грязный человек требует любви к себе (V, 279).	Да любите друг друга (Ин.13: 34).
По христианству именно таких мы должны любить (V, 276).	Да любите друг друга (Ин. 13: 34).
Я молюсь, – даже и без веры (V, 345).	О чем вы молитесь и просите, верьте, что получили и будет вам (Мф. 11: 24).
Наступят времена голода и бедности (V, 365).	Знайте же, что в последние дни наступят времена тяжкие (2 Тим. 3: 1) И будут голод и землетрясения в разных местах (Мф. 24: 7).
Бога хочу слушаться, а не людей (V, 347).	И сказал, если ты будешь слушаться Господа Бога твоего... (Исх. 15: 27).
«Царство нудится», – сказано нам (V, 474).	Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11: 12).

Возделывай землю в поте лица своего, сказано (V, 429).	Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; в поте лица твоего будешь есть хлеб (Быт. 3: 17, 19).
Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки (V, 430).	«Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. 18: 7).

Библейский текст в поэме выражается не только в косвенных цитатах, но и в реминисценциях и ассоциациях со Священным Писанием – менее явных, но не менее значимых для интерпретации произведения.

Путь Чичикова во втором томе поэмы С. Павлинов разбил на четыре символические области и соотнес с евангельской притчей о сеятеле: с каменистой местностью отождествляется усадьба Тентетникова, с проезжей дорогой – имение помещика Петуха, с тернами (сорняки) исследователь ассоциирует запущенную усадьбу Хлобуева, а хозяином доброй земли Павлинов считает Костанжогло [Павлинов 1998: 36].

Эту ассоциацию усиливает упоминание о посевных работах, на которые ходил смотреть Чичиков: «Ходил <он> наблюдать первые весенние работы, глядеть, как <...> засеиватель <...> горстью разбрасывал семена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону» (V, 266). Этот отрывок Н.М. Сквиря сравнивает с новозаветной притчей о сеятеле (Мф. 13: 1–23), которую Гоголь отметил на полях своей Библии пометой «О Царствии Небесном» [РО ИРЛИ].

Исследовательница отметила иные случаи влияния евангельских притч на образы героев и эпизоды второго тома: о талантах, о блудном сыне, о бесплодной смоковнице, о милосердном самарянине и др. [Сквиря 2008]. Тема погибающего человека, нашедшая отражение в евангельских притчах о блудном сыне и

заблудившейся овце, связана с образом Чичикова и вообще с главной темой поэмы – возвращением заблудшей души к Отцу. По замыслу автора, Чичиков должен был найти путь домой, к Церкви. Намерение Муразова помочь Чичикову может ассоциироваться с другой притчей – о бесплодной смоковнице. Как раб из притчи надеется, что смоковница при хорошем уходе принесет плоды, так Муразов надеется на покаяние и исправление Чичикова, поэтому и просит князя помиловать героя.

Другой «блудный сын» поэмы – помещик Хлобуев, который промотал свое имение, но благодаря Муразову вернулся на верный путь. С этим же героем связаны мотивы молитвы, смирения и покаяния, которые созвучны притчам о мытаре и фарисее и неправедном судье.

Евангельскому завету, упомянутому в притче о милосердном самарянине, старается следовать Констанжогло: «Не даю денег взаймы, это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься моими деньгами, если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль – я тебе не откажу и не возьму даже процентов» (V, 310). Своей жизнью Констанжогло воплотил и другую притчу – о талантах. «Уж лучше хозяина вы не сыщете. Он в десять лет возвел свое имение до того, что вместо тридцати теперь получает двести тысяч», – характеризует его Платонов (V, 417). Другие же помещики – Тентетников, Петух – уподобились ленивому рабу; в итоге поместье Тентетникова в запустении, имение Петуха заложено. Как и говорится в евангельской притче, «всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25: 29).

Все эти библейские фрагменты в поэме объединяются в единое целое и составляют широкий смысловой этико-религиозный контекст, важный для понимания гоголевского произведения.

Своеобразным смысловым стержнем поэмы «Мертвые души» можно считать мотив дороги. Он характерен для творчества писателя в целом и несет

разноплановую смысловую нагрузку, приобретает широкий спектр значений, например, как путь созидания или разрушения, путь спасения или греха. Дорога приобретает библейский контекст («путь жизни и смерти»), в нем возникает «мерцание» (термин А.Х. Гольденберга) обыденных и духовных смыслов. Попробуем выявить и проследить роль мотива в создании многомерной смысловой «бездны» художественного пространства в поэме.

Мотив дороги, пути, постоянного движения пронизывает всю поэму – действие развивается на фоне путешествия главного героя. Гоголь трактует этот образ многопланово, в прямом и переносном смысле. Сначала – в прямом значении – как конкретно зримое описание тех дорог, по которым колесит бричка: «Он (Чичиков – Е.Г.) занялся только одной дорогою, посматривал только направо и налево...» (V, 215). И в переносном смысле – как обобщенное понятие жизненный путь главного героя. В.А. Воропаев отмечает: «В образе дороги воплощен и житейский путь Чичикова («но при всем том трудна была его дорога...»), и творческий путь автора: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями»» (V, 529). «А ведь жизнь – путешествие», – замечает во втором томе поэмы Муразов (V, 344).

В размышлении о праведной дороге жизни в диалоге Муразова с Чичиковым мотив пути приобретает библейский контекст: «Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу» (V, 481). Писатель словно отсылает читателей к изречениям из Священного Писания: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6), «Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти» (Иер. 21: 8). Можно провести смысловую параллель: евангельский «путь жизни», спасения ассоциируется с «живой душой» в поэме, а «путь смерти», греха – с «мертвой душой». Очевиден смысл противопоставления двух жизненных дорог: «мертвые души» привели Чичикова в тюрьму, а «живая душа» вывела его на дорогу исправления.

Таким образом, уже в самом названии «Мертвые души» заключена скрытая реминисценция из Библии: понятия живая душа и мертвая – плод размышлений Гоголя над Священным Писанием. Об этом свидетельствует его предсмертная запись: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник» (VI, 414).

Смысловые параллели между описанием дороги и поступками Чичикова обуславливают широкое ассоциативное поле. Главный герой часто оказывается на распутье в прямом и переносном смысле слова. На огромных пространствах России можно и заблудиться. Так Чичиков ехал к Собакевичу, а попал к Коробочке: «Дороги расплзались во все стороны, как пойманные раки» (V, 59). Это движение вперед формирует горизонтальную плоскость повествования.

При этом и дорога и сам жизненный путь героя внутренне диалектичны – их смысл заключен в антитезах: то вниз – то вверх, то в грязь – то в «земной рай». Таким образом, напрашивается смысловая параллель: путь нечестивый, вектор которого направлен вниз, подобен грязи и распутице, а путь праведный, направленный вверх, украшен в поэме прекрасными пейзажами.

В «Мертвых душах» мы видим две дороги как две стратегии жизни, которые напоминают евангельские слова о широких вратах и просторном пути, ведущих в погибель, и о тесных вратах и узком пути, ведущих в жизнь (Мф. 7: 13–14). Одна из дорог в поэме – широкая «столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз» (V, 238), по которой едет Чичиков. Не случаен вектор ее направленности вниз: он словно намекает на несправедность авантюры главного героя и, соответственно, на его нравственное падение.

Другую дорогу видит Тентетников, возвращающийся домой из столицы – ровную, красивую, стремящуюся вверх, которая показывает ему иную жизнь, и герой восклицает: «Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем

земного рая, принцем, а я закабалил себя в канцелярию писцом!» (V, 254). Вектор направленности дороги вверх словно отсылает к словам Ветхого Завета: «Путь жизни мудрого вверх» (Притч. 15: 24).

Беспутная дорога жизни главного героя ассоциируется с распутицей, грязью, в которой извалялся чистюля Чичиков. В переносном значении беспутица связана с беспутством – нечестивыми делами героя: «Надул, надул, чертов сын!» – говорит о нем его бывший начальник (V, 223). По В.И. Далю, одно из значений слова «беспутье» – неправый, кривой или ложный житейский путь, а также беспутный человек, в котором нет пути, толку, проку, пользы [Даль].

В этом контексте мотив дороги так или иначе обнаруживает смысловые параллели с текстом Священного Писания и порождает множество взаимосвязанных библейских реминисценций: «Не вступай на стезю нечестивых и не ходи по пути злых» (Притч. 4: 14), «Путь грешников вымощен камнями, но в конце его – пропасть в ад (Сир. 21: 11), «Путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся» (Притч. 4: 19), «Этот путь их есть безумие их» (Пс. 48: 14).

С ветхозаветными словами о кривых и прямых путях (Пс. 124: 5, Ис. 42: 16) ассоциируются строки из первого тома поэмы: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины...» (V, 203). К образу прямых и кривых путей Гоголь обращался и во втором томе. «Покривил, не спору, покривил. Что же делать? но ведь покривил только тогда, когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямик» (V, 355), – говорит о себе Чичиков в одной из сохранившихся глав второго тома поэмы. В таком же духе протекает диалог между Муразовым и Чичиковым: «– Эх, Павел Иванович, зачем себя погубили. Проснитесь: еще не поздно. Есть еще время. – Нет, поздно, поздно! <...> Начинаю чувствовать, слышу, что не так, не так иду, и что далеко отступился от прямого пути, но уже не могу!» (V, 472).

В творчестве Гоголя неоднократно встречается образ лестницы, соединяющей небо и землю. Впервые он появляется в одном из ранних произведений писателя – в повести «Майская ночь, или Утопленница»: «У Бога есть длинная лестница от неба до самой земли...» (I, 129). Этот же образ мы находим и в заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» – «Светлое Воскресенье».

Образ лестницы (по-церковнославянски – «лествица») – имеет богатейшую мировую традицию и восходит к 28-й главе Книги Бытия («И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божий восходят и нисходят по ней» (Быт. 28: 12)), а также к книге «Лествица» Иоанна Лествичника, которую Гоголь неоднократно перечитывал. Этот библейский образ напоминает о возможности преображения, духовного восхождения героев, всего человечества и самого автора.

Жизненный путь своих героев в «Мертвых душах» Гоголь представил в виде такой лестницы: «...точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования?» (V, 57–58). Дорога вверх предстает в виде «символической лестницы, ведущей человеческую душу к совершенству», – пишет В.А. Воропаев (V, 530). Таким образом, горизонталь художественного пространства дороги с ее прямыми и кривыми путями дополняется вертикалью лестницы духовного возвышения и падения.

В этом контексте не случаен и выбор имени Чичикова, которому автор дал имя св. апостола Павла. Это неоднократно отмечали исследователи, например, В.А. Воропаев пишет: «Есть основания полагать, что намек на предстоящее нравственное перерождение Павла Ивановича Чичикова содержится уже в самом его имени» (V, 519)

В библейском контексте возможна «дерзкая», по словам А.Х. Гольденберга, параллель между Павлом Ивановичем Чичиковым и св. апостолом Павлом – апостола правомочно назвать «героем дороги», как и Чичикова. Заметим, что

многие исследователи подчеркивают необычайно деятельный характер этого апостола, не случайно к Новому Завету прилагается карта его путешествий.

Мотив дороги, жизненного пути главного героя тесно переплетен с библейским мотивом о земных сокровищах, которые явились целью путешествия Чичикова. Гоголь так рассуждал о своем герое: «Что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Кто же он? стало быть, подлец? <...> Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель. Приобретение – вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название не очень чистых» (V, 234). Собрание Чичиковым мертвых душ в качестве земных сокровищ можно считать остроумной карикатурой: сокровищами для него оказались мертвецы.

Анонимный рецензент «Литературной Газеты» писал в 1842 году: «В Ахиллесе этой русской Илиады, коллежском советнике Чичикове, вполне отпечатался наш общий недуг – неукротимая жажда корысти» [Лит. газета 1842: 470–471. Позднее протопресвитер В.В. Зеньковский так определил «вечную» сущность этого гоголевского типа: «Современные, прошлые и будущие Чичиковы – это не просто дельцы, чем они внешне являются, – они находятся под «обольщением» богатства; в их трезвом реалистическом сознании они и романтики, ибо крепко убеждены, что жизнь и не может быть иной. Искание богатства есть их религия» [Зеньковский 1994: 237].

Таким образом, художественное пространство дороги Чичикова представлено в поэме многопланово: реально, зримо – как горизонталь, и метафорически, незримо – как вертикаль, с векторами вниз – в ад, и в верх – в Царство Небесное. Удивительнейшим образом, диалектично переплетаются прямо противоположные образы – земные и небесные, внутренние и внешние. При этом библейские реминисценции одновременно образуют семантические лучи (термин П.Е. Бухаркина), оттенки неожиданных смыслов, устремляющих ум читателя в содержательную неисчерпаемость гоголевского произведения.

§3. Библейский текст в книге «Выбранных местах из переписки с друзьями»

Последняя книга Гоголя отличается предельной концентрацией скрытого и прямого цитирования Священного Писания и является своего рода обобщением многих библейских мотивов, которые характерны для его ранних произведений (любви к ближнему, сокровищ, внутреннего обновленного человека и др.). В «Выбранных местах из переписки с друзьями» качественно иное воплощение библеизмов – более углубленное раскрытие и прямая связь с Библией, например, в размышлениях о любви к ближнему («...в любви к братьям получаем любовь к Богу» (VI, 88)), сокровищах земных и небесных («Владеем сокровищем, которому цены нет!» (VI, 34)) и др. В этом можно видеть, по словам исследователя, «решительное его [Гоголя – Е.Г.] обновление в свете евангельского слова» [Воропаев 2014: 89], которое связано с размышлениями о призвании писателя и с тем, что он видел в искусстве «незримые ступени к христианству» (VI, 58–59).

Гоголь надеялся, что после прочтения «Выбранных мест из переписки с друзьями» читатель возьмет в руки Евангелие, ведь «если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом» (XIV, 267). Эта мысль обусловила этико-религиозный дух произведения и разнообразие форм библейского текста: здесь встречаются реминисценции, аллюзии, прямые и косвенные цитаты, парафразы, образы и сюжеты. Исследователи отмечали сходство синтаксических конструкций в текстах Гоголя и св. апостола Павла, многочисленные библейские языковые параллели, общность в ритмике, интонации, в оборотах речи, церковнославянизмы [Томачинский 2009].

Гоголь так оценивал «Выбранные места...»: «Появление моей книги <...> есть для меня слишком важный шаг. Книга имеет свойство пробного камня: поверь, что на ней испробуешь как раз нынешнего человека» (XIV, 245). Писатель искал пути к духовному обновлению творчества в опоре на традицию библейской и духовной

литературы. В этой книге он хотел опробовать новые формы литературы, новый язык. Предположение В.А. Воропаева о том, что Гоголь воспринимал язык как главный инструмент создания новой литературы [Воропаев 2005], стремился выработать такой стиль, в котором сливались бы стихии церковнославянского и народного языка, подтверждается словами самого писателя. В письме к Н.М. Языкову писатель советует: «В продолжение говения займись чтением церковных книг. Это чтение покажется тебе трудно и утомительно, примись за него, как рыбак, с карандашом в руке, читай скоро и бегло и останавливайся только там, где поразит тебя величавое, неожиданное слово или оборот, записывай и отмечай их себе в материал. Клянусь, это будет дверью на ту великую дорогу, на которую ты выдешь! Лира твоя наберется там неслыханных миром звуков и, может быть, тронет те струны, для которых она дана тебе Богом» (XII, 260).

Об интересе Гоголя к церковнославянскому языку свидетельствуют собранные им «Материалы для словаря русского языка», где представлены слова и диалектные, и церковнославянские. По Гоголю, характерное свойство русского языка заключается в возможности «самых смелых переходов от возвышенного до простого в одной и той же речи» (VI, 23), поэтому в своих произведениях он старался соединить «живую простонародную стихию» русского языка с церковнославянским, так как они, по словам писателя, «сливаются органичнее всего» (VI, 23).

«В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому», – замечал Гоголь (VI, 38). Несомненно, эти слова можно отнести и к его собственному творчеству. Из всех произведений писателя это сочинение наиболее близко к поэтике Священного Писания, библейский текст присутствует многообразно на разных уровнях формы и содержания книги, библейским духом пронизан сам язык произведения, его лексика и синтаксис.

Ощущение «небесной высоты» создается постоянным упоминанием Бога в лексике повествования. Библейские элементы словно выросли в гоголевский текст,

органично слились, образуя качественно новый язык, новый стиль русского литературного языка. В.В. Томачинский отметил схожесть текста гоголевской книги с языком Священного Писания. Использование приставок «воз-\вос-» образует торжественную, приподнятую лексику: «Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга» (VI, 125) [Томачинский 1999].

Исследователь подробно описал библейские языковые параллели, указав на общность в ритмике, интонации, синтаксисе, в оборотах речи: «возможет», «возболев духом», «восскорбеть» и др., и на церковнославянизмы: «и сею чистою жертвою», «упал во прах», «клик Божий» и т.д. «Фигура усугубления или тождесловия – излюбленный прием Гоголя, который помогает сосредоточить внимание читателя на самом важном – ведь повторяются и сочетаются не случайные слова, а слова «ключевые» для данного текста, основные по смыслу» [Томачинский 1999].

Отмечены некоторые выражения, которые имеют явным источником Библию: «Облекается величием» (VI, 39) напоминает нам о словах 92 псалма («Господь воцарися, в лепоту обличися» (Пс. 92: 1)), «становясь превыше» (VI, 39) – 148 псалом («Хвалите Его небеса небес и вода, яже превыше небес» (Пс. 148: 4)). Сходство по ритмике и синтаксису можно обнаружить в текстах отрывка (1 Кор. 13:4–10) из послания св. апостола Павла и главы «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» в описании «одностороннего человека».

В тексте книги встречаются прямые библейские цитаты:

- «Слово гнило да не исходит из уст ваших!» (VI, 22, Еф. 4: 29);
- «Не оживет, аще не умрет» (VI, 86, 1 Кор. 15: 36);
- «Се Агнец, вземляй грехи мира!» (VI, 118, Ин. 1: 29);
- «В дому Отца Моего обители многи суть» (VI, 153, Ин. 14: 2).

Гоголь цитировал Библию на церковнославянском языке, т. к. Синодальный перевод на русский язык в то время еще не был сделан. Все цитаты, за исключением первой, выделены кавычками.

Также есть косвенные цитаты:

– «Христос недаром сказал: «Сия вся всем приложится»» (VI, 111), ср.: «Ищите же прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6: 33),

– «Наложи дверь и замки на уста ваши» (VI, 22) – цитата из Иисуса Сираха, возможно, переведенная с церковнославянского на русский самим Гоголем,

– «От Назарета пророк не приходит» (VI, 118) – контаминация, т.е. соединение двух евангельских цитат: «от Назарета может ли что добро быти?» (Ин. 1: 46) и «пророк от Галилеи не приходит» (Ин. 7: 52).

Появление на страницах книги прямых и косвенных цитат не случайно: по замечанию П.В. Михеда, они помогают расставить акценты, указать на «наиболее важные, узловые тематические мотивы, формирующие пафос книги» [Михед 1997: 69]. Другой исследователь обратил внимание на особенность использования писателем библейского слова «Выбранных местах...»: «Гоголь воспринимает евангельские цитаты как текст, который органично вплетается им в ткань статьи, углубляя и расширяя ее смыслы» [Айзикова 2007: 125].

Гоголь неоднократно обращался к библейским притчам и событиям. Ветхозаветная притча о 400 пророках из 22 главы Третьей книги Царств раскрывает представление писателя о роли поэта-пророка, его богоизбранности. Пересказ ветхозаветной притчи он сопровождает рассуждениями о молодых писателях. Свой тезис о неумении молодых писателей «вынашивать в голове мысли» Гоголь подтверждает текстом ветхозаветной притчи. Также в книге появляется пророческое начало, которое писатель связывает с Россией: «...пророчествует только одна Россия», потому что «сильнее других слышит Божью руку на всем, что не сбывается в ней» (VI, 41).

Парафразу других притч – о потерянной овце и драхме (Лк. 15: 7, 10, 23–24) – можно увидеть в главе «О лиризме наших поэтов». Восхищаясь А.С. Пушкиным, который всю жизнь призывал «милость к падшим» и умел ценить милосердие другого, Гоголь восклицает – почти евангельскими словами: «Только на небесах умеют поступать так. Там только радуются обращению грешника еще более, чем самому праведнику, и все сонмы невидимых сил участвуют в небесном пиршестве Бога» (VI, 51). Н.М. Карамзин и его творчество осмысляются через евангельскую притчу о талантах (Мф. 25: 14–30). Гоголь сравнивает писателя с мудрым рабом, который приумножил данное от Бога: «Он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять» (VI, 56).

Парафраза слов Спасителя «да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте» (Ин. 14: 1) стала лейтмотивом статьи «Просвещение». Обращаясь к В.А. Жуковскому, Гоголь неоднократно повторяет: «Веруй, да не смущается твое сердце! <...> Не смущайся же и твердо гляди вперед <...> Друг, не смущайся ничем!» (VI, 72–74). Второй смысловой центр данной статьи – авторское размышление о католической Церкви. Писатель использует библейский эпизод о посещении Спасителем дома Лазаря (Лк. 10: 38–42), метко сравнивая Восточную Церковь с Марией, Западную – с Марфой.

Библейский контекст помогает установить скрытые смыслы гоголевских слов, увидеть реминисценции, образы и смысловые параллели. В главе «О помощи бедным» евангельский рассказ об исцелении сухорукого расширяет понимание статьи. Гоголь говорит: «Большую часть случается так, что помощь, точно какая-то жидкость, несомая в руке, вся расхлещется по дороге, прежде чем донесется, и нуждающемуся приходится посмотреть только на одну сухую руку, в которой нет ничего» (VI, 25). Если сравнить с евангельским эпизодом исцеления сухорукого человека, станет понятно, что человек, который не помогает нуждающемуся, сам нуждается в исцелении, как имеющий «сухую руку».

Два других евангельских образа – «слепых вождей» (Мф. 15: 14) и «козлов», , которые на Страшном суде будут отделены от овец и поставлены «ошуюю» (по левую руку) (Мф. 25: 33) – встречаются в другом гоголевском тексте: «...только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои» (VI, 28).

Реминисценция из Книги пророка Даниила о пире Валтасара (Дан. 5: 1–31) становится примером, как должен писать поэт: «Нужно, чтобы твои стихи стали так в глазах всех, как начертанные на воздухе буквы, явившиеся на пиру Валтасара, от которых все пришло в ужас еще прежде, чем могло проникнуть самый их смысл» (VI, 66).

Рассмотренный в «Выбранных местах из переписки с друзьями» библейский текст, не претендует на исчерпывающее описание, а только подтверждают масштабность и глубину его воплощения Гоголем. Изучение этого малоисследованного библейского пласта открывает перед исследователями широкие перспективы более глубокого понимания его творческого наследия.

ГЛАВА 5

ЭВОЛЮЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

§1. Библейский текст в свете этико-религиозных воззрений Н.В. Гоголя

Творческая эволюция Гоголя не имеет общего представления в литературоведении. Одни исследователи воспринимают его как православного писателя, чьи идейные убеждения не менялись на протяжении жизни, другие – как художника, изменившего своему гению и в последние годы «ударившегося» в религию. И.А. Есаулов, сравнивая комментарии к девятитомному собранию сочинений Гоголя [Гоголь 1994] и вступительную статью с комментариями к академическому изданию [Гоголь 2001], отмечает, что «создается такое впечатление, что речь идет не об одном и том же, а о разных авторах – настолько по-разному интерпретируется гоголевское творчество» [Есаулов 2003: 21]. Однако, по словам С.А. Гончарова, «проблема заключается не в том, чтобы примирить раннего и позднего Гоголя и связать две точки пути прямой линией христианского восхождения. Гораздо важнее попытаться исследовать само движение на уровне изменений его поэтической системы, соотносимой с религиозно-мистическими интенциями различного порядка, многоликой религиозно-учительной культурой» [Гончаров 1997: 4].

Изучение библейского текста в произведениях Гоголя подтверждает предположение о том, что эволюция мировоззрения писателя, конечно же, имела место, но была не такой кардинальной, как представлялось многим литературоведам, особенно в советские годы. Можно проследить динамику количественного нарастания библейского текста на протяжении творческого пути – от «Страшной мести» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» – и его качественного углубления: от реминисценций в ранних произведениях к аллюзиям и цитатам в

зрелом творчестве, а также более непосредственной, открытой связи с текстом Священного Писания.

Целесообразно выделить четыре этапа:

– Первый этап [1828–1832] – произведения, написанные в годы учебы в Нежинской гимназии, а также цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки». В них встречаются единичные обращения к Библии. Исключением служит повесть «Страшная месть», где в финале изображается картина Божьего суда.

– Второй этап [1833–1836] – время написания петербургских повестей и цикла «Миргород», которые не имеют явных отсылок к Священному Писанию, но вместе с тем в этих произведениях можно найти смысловые переключки с Библией. Они помогают увидеть новые аспекты затронутых в повестях тем: веры в Бога, отношения к ближним.

– Третий этап [1837–1842] – работа над первым томом поэмы «Мертвые души» характеризуется усилением интереса Гоголя к Библии. Произведения начала 1840-х годов («Шинель», первый том «Мертвых душ», а так же новые редакции «Портрета» и «Тараса Бульбы») отличаются увеличением количества библейского текста и его более сложной организацией.

– Четвертый этап [1843–1852] охватывает последний период жизни и творчества Гоголя. В произведениях этих лет – во втором томе «Мертвых душ» и «Выбранных местах из переписки с друзьями» – библейский текст раскрывается в многочисленных смысловых параллелях, прямых и скрытых цитатах, аллюзиях, в обращении к библейским образам и сюжетам. Одновременно с работой над вторым томом поэмы писатель создает новые жанры: нравственно-дидактические трактаты («Правило жития в мире», «О тех душевных недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии»), составляет молитвы, делает выписки из творений святых отцов и богослужебных книг, работает над «Размышлениями над Божественной Литургией».

Рассмотрим эти этапы.

Ранняя проза характеризуется единичными случаями обращения к Библии. Это цитата из Евангелия в предисловии к циклу «Вечера на хуторе близ Диканьки» («Не мечите бисер перед свиньями» (I, 85), естественность ее включения подчеркивается сравнением с пословицей: «...проворчал про себя чуть ли еще не поговорку»), образ ветхозаветной лестницы из «Майской ночи», изображение Страшного суда в «Страшной мести», «Ночи перед Рождеством» и т.п.

Годы спустя Гоголь так охарактеризовал этот период своего творчества: «Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать <...> вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего и кому от этого выйдет какая польза. Молодость, во время которой не приходят на ум никакие вопросы, подталкивала» (VI, 223). В этот период библейские реминисценции не несли какой-то особо весомой роли (за исключением повести «Страшная месть»). Оптинский старец Варсонофий видел истоки религиозности последних лет жизни писателя в его ранней прозе: «В душе Гоголя <...> всегда жила неудовлетворенность жизнью, хотелось ему лучшей жизни, а найти ее он не мог. «Бедному сыну пустыни снился сон...» – Так начинается одна из статей Гоголя («Жизнь» – Е.Г.), и сам он, и все человечество представлялось ему в образе этого бедного сына пустыни. Это состояние человечества изображено и в Псалтири, там народ Божий, алча и жажда, блуждал в пустыне, ища Града обительного, и не находил. Так и все мы алчем и жаждем этого Града обительного, и ищем его, и блуждаем в пустыне» [Беседы схиархимандрита... 1991: 50].

Библейский текст встречается в статьях писателя, вошедших в 1835 году в «Арабески»; первоначальные замыслы этих статей датируются 1829–1831 годами (V, 638–660). В статье «Мысли о географии», впервые напечатанной в 1831 году, Гоголь восхищается «великими делами Творца» (VI, 268): «Вот земля, на которой живем мы, вот тот прекрасный мир, подаренный нам непостижимым его Зодчим!» (VI, 264). В

статье «Скульптура, живопись и музыка» звучит благодарность «Зиждигителю мириад» за ниспосланные человечеству искусства: «В наш юный и дряхлый век ниспослал Он могущественную музыку – стремительно обращать нас к Нему» (VI, 288).

Новозаветные реминисценции есть в статье «О преподавании всеобщей истории»: это упоминания о Рождестве Христове («В недрах его неприметно совершается великое событие: в ветхом мире зарождается новый! Воплощается неузнанный миром Божественный Спаситель его» (VI, 277), «В священном трепете, видит, как Слово из Назарета обтекло наконец весь мир» (VI, 281)), о проповедовании Евангелия («И вечное слово, не понятое властелинами, раздается в темницах и пустынях, таинственно выжидая новых народов» (VI, 277)) и др.

После успеха «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Гоголь начал задумываться о призвании писателя и ответственности за свои труды: «Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем. Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего» (VI, 222). Писатель, по мнению Гоголя, должен почувствовать, что «творя творенье свое, он исполняет именно тот долг, для которого он призван на землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, он служит в то же самое время так же государству своему, как бы он действительно находился в государственной службе» (VI, 223).

Это изменение во взглядах отразилось и в его творчестве. Исследователи (Н. Ульянов, Ф. Бельтраме) отмечали, что в это время совершался переход от «спонтанной и инстинктивной по характеру ранней прозы Гоголя в прозу осознанно религиозную, с отчетливо проявляющейся мессианской тенденцией» [Бельтраме 2003: 169]. В повестях он обращался к темам взаимоотношений между людьми (в «Старосветских помещиках», «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), о вере и верности Православию и Отчизне (в Тарасе

Бульбе»), о духовной жизни и внешнем благочестии («Вий» и др). А на смену борьбе с видимой нечистью постепенно приходит борьба со злом невидимым.

Своеобразным итогом этого периода можно считать комедию «Ревизор», в которой автор желал, чтобы зрители примерили происходящее на сцене к себе, задумались о своей жизни и вышли из театра духовно обновленными. Но зрители восприняли ее как карикатуру, фарс, соответственно, они смеялись над героями, а не над собой. Именно поэтому премьеру «Ревизора» – имевшую, по свидетельству современников, колоссальный успех – писатель считал провалом [См. Воропаев 2002: 6–21].

«Ревизор» стал поворотной точкой творческого пути Гоголя. Как признавался сам писатель: «В «Ревизоре» ... я сам почувствовал, что уже смех мой не тот, какой был прежде, что уже не могу быть в сочиненьях моих тем, чем был дотолле, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вместе с молодыми моими летами» (VI, 223).

Новый этап эволюции связан с пребыванием писателя в Италии. По замечанию П.В. Михеда, «Рим был не только географическим местом пребывания, пусть и очень приятным, но и фактом глубокого переживания и сокровенной тайны, неразгаданной и поныне» [Михед 2003: 143]. Недаром К.В. Мочульский подчеркивает значимость этого периода выражением «римская эпоха» [Мочульский 2004: 73].

Римские впечатления Гоголя словно сфокусировались в одном желании – познать тайну души человека. Об этой эпохе своей жизни он писал в «Авторской исповеди»: «...я обратил внимание на узнанье тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще <...> на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека...» (VI, 225–226). Этому способствовала работа над поэмой: «После «Ревизора» я почувствовал <...> потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. <...> на всяком шагу я был останавливаем

вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выразить собою такое-то явление?» (VI, 223).

Одной из важных причин, повлиявших на умонастроение писателя в это время, была дружба с молодым графом Виельгорским, который перед своей смертью (2 июня 1839 года) подарил Гоголю Библию памятной надписью: «Другу моему Николаю». Возможно, именно с этого времени Гоголь начал систематическое и глубинное изучение Библии. В римский период исследователи (в частности, К.В. Мочульский) отмечали усиление его религиозности: он постоянно читал Библию, делал выписки. О глубоком размышлении над прочитанным свидетельствуют его многочисленные пометы на полях Библии.

Произведения начала 1840-х годов отличаются количеством и более сложной организацией библейского текста. Гоголь постепенно пришел к мысли, что литература должна выполнять ту же задачу, что и произведения духовных писателей – вести душу к совершенству, просвещать ее. По его мнению, назначение искусства – служить «незримой ступенью к христианству», так как современный человек «не в силах встретиться прямо со Христом» (VI, 59). В последнее десятилетие жизни смысл своего писательского труда он видел в обращении читателя к Церкви, о чем признавался в «Авторской исповеди». Гоголь старался писать так, чтобы из его книг путь ко Христу был ясен для каждого. Из-за этого стремления так долго и трудно продвигалась работа над вторым томом «Мертвых душ»: «Ты спрашиваешь, пишутся ли «Мертвые души»? И пишутся и не пишутся... Я иду вперед – идет и сочинение, я остановился – нейдет и сочинение» (XII, 428).

Гоголя посещали мысли о монашестве, но попытка уйти в монастырь, по мнению В.А. Воропаева, не предполагала полный отказ от творчества, а только подготовку себя к особому писательскому труду. Гоголь словно раздумывает об этом в повести «Портрет» (редакции 1842 года): «Художник, создавший портрет ростовщика, решает уйти из мира и становится монахом. Приготовив себя

подвижнической жизнью отшельника, он возвращается к творчеству и создает картину, которая поражает зрителей как бы исходящим из нее светом духовности» [Воропаев 2014: 67]. Этот эпизод вызывает ассоциацию с евангельским текстом о том, как Спаситель удалился в пустыню, прежде чем пойти проповедовать Слово Божие.

Письма Гоголя первой половины 1840-х годов, наполненные просьбами о присылке книг по богословию, истории Церкви, русским древностям, свидетельствуют о систематическом чтении писателем книг духовного содержания. Изменение его интересов отмечает В.А. Воропаев: «С годами читательские пристрастия Гоголя изменялись, подобно тому, как изменялся облик писателя. С середины 1840-х годов в чтении Гоголя преобладают книги религиозного содержания» [Воропаев Дело: 21]. Внутренняя жизнь отразилась на внешнем облике, что отмечали его друзья. «Гоголь постарел, – вспоминал П.В. Анненков встречу с писателем в 1846 году, – но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа» [Анненков 1983: 115].

Произведения последнего периода – «Выбранные места из переписки с друзьями» и сохранившиеся главы второго тома поэмы «Мертвые души» – изобилуют прямыми и косвенными цитатами, аллюзиями и реминисценциями, образами и притчами. Еще многообразнее и масштабнее он использует реминисценции из Библии, появляются новые виды, формы и приемы их претворения – в смысловых параллелях, скрытых и прямых цитатах, аллюзиях.

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» библейский текст можно найти на самых разных уровнях формы и содержания (языковом, стилистическом, семантическом, сюжетном, композиционном). Писатель затрагивает самые разные

аспекты, обращается ко многим образам и сюжетам из Священного Писания. Библейским духом пронизан порой и стиль его произведений тех лет: если в ранней прозе больше преобладало фольклорное – народное – начало, то в поздней ведущая роль перешла к церковнославянской лексике.

Религиозная тематика присутствует во многих произведениях писателя, но в ранних она скрыта, завуалирована, в поздних же явно выходит на первый план. По словам В.А. Воропаева, «суть творческого развития Гоголя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии», в сочинениях, подобных «Правилу жития в мире» (собственно духовная проза), и в публицистике “Выбранных мест из переписки с друзьями”» [Воропаев 2014: 42].

§2. «Сквозные» библейские мотивы в творчестве Н.В. Гоголя

Изучение сквозных тем творчества Гоголя – т. е. того, что занимало писателя на протяжении всей жизни, – позволяет проследить эволюцию его взглядов. Неизменность взглядов подтверждают библейские мотивы, ставшие в произведениях сквозными: Страшного суда, земных и небесных сокровищ, прощения и жизни в мире, поста, лестницы, бесноватого и др.

Мотив Страшного суда приобрел в творчестве писателя главенствующую роль. Он проходит красной нитью через многие произведения, где-то появляясь просто точечным напоминанием о грядущем суде, а где-то обретая полноценное звучание, вплетаясь в сюжет (как, например, в «Страшной мести»), пронизывая произведения апокалиптическим предчувствием, «предслышанием загробного величия» (VI, 11) и страхом перед предстоящим ответом, который ждет каждого человека.

Что обусловило столь важное значение в жизни и творчестве писателя памяти

о грядущем Судном дне? Причины многообразны. С раннего детства запомнились ему впечатляющие рассказы матери о конце мира и наказании грешников, о чем он вспоминал спустя годы в письме к ней: «Я просил вас рассказать мне о Страшном суде, и вы мне ребёнку так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли» (X, 227). Эти рассказы помогли Гоголю осознать важность веры, открыть для себя духовный мир.

Позднее Гоголь не раз обращался к теме Страшного суда, делал выписки из творений святых отцов, отмечал на полях своей Библии те места, где говорится о грядущем Божьем суде. Эти карандашные пометы освещают самые важные, смысловые вопросы: о воздаянии каждому по заслугам (Рим. 2: 1; 2 Фес. 1: 7; 2 Тим. 2: 12), когда наступит Судный день и каковы будут признаки пришествия Господа и конца века (Мф. 24: 3; 1 Ин. 2: 18; 1 Фес. 5: 3; 2 Фес. 2: 2; 2 Тим. 3: 1) и другие.

Все творчество Гоголя пронизано апокалипсическим ожиданием прихода Судного дня. С памятью о Страшном суде связано обостренное чувство ответственности человека – а тем более писателя – за каждое свое слово. Гоголь помнил о предостережении Святого Евангелия: «...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12: 36–37). «Обращаться с словом нужно честно, – говорил он. – Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю <...> когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло» (VI, 21).

Гоголь прекрасно понимал, что произведение может приносить вред и после смерти его создателя, продолжать губить души читателей. Не случайно в статье «В

чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» он вспоминает басню И.А. Крылова «Сочинитель и Разбойник». Опасение нанести кому-либо вред своими сочинениями угадывается в словах Гоголя из его «Завещания»: «Стонет весь умирающий состав мой, чую исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...» (IV, 11). Эту тему он поднял в «Выбранных местах из переписки с друзьями», где поставил вопрос о назначении художника-христианина и о той плате, которую тот отдает за вверенный ему дар Божий – слово.

Апокалипсическое отношение к слову нашло свое отражение в «Ревизоре». Особое значение имеют роли Добчинского и Бобчинского: «Тщеславие делает из этих героев <...> предсказанных в Евангелии лжепророков грядущего лже-«ревизора», – которые явятся, "чтобы прельстить, если возможно, и избранных"» [Виноградов 2000: 287–288]. Именно они убедили всех, что Хлестаков и есть ожидаемый ревизор – не потому, что были в этом уверены, а чтобы оказаться в центре внимания. Этот сюжетный поворот соотносится с гоголевской пометой «Не верить тому, кто назначит день пришествия <иб>о явится прежде беззаконник обольщающий» (IX, 157) напротив наставления апостола Павла: «Не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов» (2 Фес. 2: 2).

Гоголь был не доволен первой постановкой своей пьесы. Комедия имела большой успех, но главная задача не была исполнена – зал смеялся над героями, не заметив глубокий морально-дидактический смысл, не увидев себя в героях. Тогда как целью произведения было заставить зрителей заглянуть в самих себя и увидеть, что все пороки, изображенные на сцене, есть в каждом человеке, и что каждого за эти пороки неминуемо ждет возмездие, о чем предупреждает Священное Писание:

– «Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Мф. 24: 42);

– «Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут» (1 Фес. 5: 3). Гоголь оставил карандашную помету напротив этих слов: «День Господень яко тать вдруг придет» (IX, 157).

Эта помета помогает раскрыть смысл неожиданного приезда настоящего ревизора из Петербурга в комедии «Ревизор». Проясняется и главная идея комедии, которую автор разъяснил в «Развязке Ревизора»: «...страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. <...> Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя» (IV, 493).

В письме от 6 декабря 1849 года к А.О. Смирновой Гоголь писал: «Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать не сенатор, а Тот, Кого ничем не подкупишь и у Которого совершенно другой взгляд на все» (XV, 285). Ревизор – это и Высший Судия, Который будет судить нас в день Страшного суда. В таком контексте становится понятно, что по замыслу автора «немая сцена» – это символическая картина Страшного суда. «Каждый из персонажей всей фигурой как бы показывает, что он уже ничего не может изменить в своей судьбе, шевельнуть хотя бы пальцем, – он перед Судией» [Воропаев 2002: 17].

Гоголь придавал «немой сцене» важное значение: по его замыслу, «в этот момент в зале должна наступить тишина всеобщего размышления» [Воропаев 2002: 17]. Смысл «немой сцены» Гоголь объяснил через десять лет после постановки «Ревизора», написав «Развязку Ревизора», а также добавив эпиграф «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» и обращенную к залу реплику Городничего перед немой сценой – «Чему смеетесь? Над собой смейтесь!» (IV, 299).

«Развязка Ревизора» не придала нового значения «немой сцене», лишь разъясняла ее смысл. Это подтверждается записью в «Петербургских записках 1836 года», созвучной смыслу «немой сцены»: «Спокоен и грозен Великий пост. Кажется, слышен голос: "Стой, христианин; оглянись на жизнь свою"» (VII, 521).

Иная картина Божьего суда изображена в «Страшной мести». Понять ее помогают Священное Писание и помета Гоголя «О Суде» (IX, 150), которую он оставил на полях своей Библии напротив слов апостола Павла: «Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же. А мы знаем, что поистине есть суд Божий на делающих такие дела» (Рим. 2: 1–2). Эти евангельские слова объясняют парадоксальную на первый взгляд вещь: почему наказан оказывается не только убийца – Петр, но и жертва – Иван. Божий суд не жесток – он справедлив: Иван судится тем же судом, каким судил своего брата.

Потомки Петра – Катерина и ее отец-колдун – знают про грядущий Страшный суд и ответственность за свои дела. Слова колдуна – «душа богоотступного отца твоего будет гореть в огне вечном, и никогда не угаснет тот огонь: все сильнее и сильнее будет он разгораться: ни капли росы никто не уронит, ни ветер не пахнет...» – (I, 226) созвучны евангельскому тексту: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25: 41), «и, возопив, сказал: отче Аврааме! умиласердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем» (Лк. 16: 24).

Вселенский размах получила идея Страшного суда в апокалиптическом финале повести «Вий»: в смертной схватке сошлись два противоположных мира: мир тьмы, зла и мир света, жизни. О последних временах напоминает внешний вид церкви, в которой Хома Брут должен был читать Псалтирь над убитой им панночкой: «Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправляли никакого служения» (II, 433–434). Апокалипсический смысл повести отмечает М.М. Дунаев: «В этом мире, кажется, уже нет никакой опоры для веры: с церковью сопряжен дух уныния, в ней давно уже не совершается служба, а в финале она настолько оскверняется всякой нечистью, что "никто не найдёт теперь к ней

дороги"» [Дунаев 2001: 411].

Интересная параллель обнаруживается при сравнении финала повести с заключительной сценой комедии «Ревизор», над которой Гоголь работал в том же году: нечисть, застрявшая в окнах и дверях церкви, как позже и герои в «немой сцене», напоминают нам о Судном дне, когда уже будет невозможно что-либо изменить. Хома гибнет перед третьим – последним – криком петуха, символом начала дня.

Картина Страшного суда встречается у Гоголя в различных интерпретациях, например, окаменение природы в повести «Жизнь»: «Великое Средиземное море не шелохнет, как будто бы царства предстали все на Страшный суд перед кончиною мира» (VI, 261). Иная картина предстает перед нами в повести «Ночь перед Рождеством»: кузнец Вакула изобразил «святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало» (I, 169). О Судном дне вспоминает Поприщин («Записки сумасшедшего»): «Чтобы он выдал когда-нибудь вперед за месяц деньги – Господи, Боже мой, да скорее Страшный суд придет» (VI, 158).

Прямые и косвенные упоминания о Страшном суде можно встретить в «Мертвых душах». Как и в «Ревизоре», Гоголь надеялся, что читатели задумаются о собственной душе: «Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым, может быть, даже похвалите автора <...> И вы прибавите: «А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые!» А кто из вас, полный христианского смирения... углубит вовнутрь собственной души сей тяжкий запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Да, как бы не так!» (V, 237).

Идею поэмы – воскрешение «мертвой» души – должен был воплотить в

первую очередь главный герой. «И, может быть, в сем же самом Чичикове <...> заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес», – предсказывает судьбу своего героя писатель (V, 518–519). Возможность возрождения остается и у Плюшкина. Об этом свидетельствует гоголевская статья «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», написанная в 1844 году, где он говорит, обращаясь к поэту Н.М. Языкову: «Воззови, в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку. Брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтобы спасал свою бедную душу: уже он далеко от берега, уже несет и несет его ничтожная верхушка света, несут обеды, ноги плясавиц, ежедневное сонное опьянение; нечувствительно облекается он плотью и стал уже весь плоть, и уже почти нет в нем души. Завопи воплем и выставь ему ведьму старость, к нему идущую, которая вся из железа, перед которой железо есть милосердие, которая ни крохи чувства не отдает назад и обратно. О, если б ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома «Мертв<ых> душ!» (VI, 69).

В первом томе «Мертвых душ» именно эти герои – Чичиков и Плюшкин – вспоминают про Божий суд. Плюшкин грозил своей ключнице: «Вот погоди-ка: на Страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками! вот посмотришь, как припекут!» (V, 123), Чичиков, пытаясь сбить цену, «намекнул даже на Страшный суд, но кузнецов ничем не пронял» (V, 210). Вероятно, память о Судном дне должна была помочь героям в выборе жизненного пути в последующих томах поэмы.

Возможно, эта идея получила бы дальнейшее развитие, так как, по замечанию В.А. Воропаева, «она действительно вытекает из содержания поэмы» [Воропаев 2002: 19]. Сохранился черновой набросок, очевидно, к третьему тому поэмы. Судя по его содержанию, он представляет собой «одну из заключительных сцен поэмы, а именно обличение Богом на Страшном суде малодушных чиновников и управителей, «начавших служить» и потом, подобно одному из героев второго тома – Андрею

Ивановичу Тентетникову – оставивших поприще» (V, 487): «"Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу, что Я твой? Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды и вниманья, и поощренья? Какое бы тогда было тебе дело обращать внимание, как издержит твои деньги земной помещик, когда у тебя Небесный Помещик? Кто знает, чем бы кончилось, если бы ты до конца дошел, не устранившись? Ты бы удивил величием характера, ты бы наконец взял верх и заставил изумиться; ты бы оставил имя, как вечный памятник доблести, и роняли бы ручьи слез, потоки слезные о тебе, и как вихорь ты бы разведал в сердцах пламень добра". Потупил голову, устыдившись, управитель, и не знал, куды ему деться. И много вслед за ним чиновников и благородных, прекрасных людей, начавших служить и потом бросивших поприще, печально понурили головы» (V, 493).

Страшный суд – конец жизненного пути человека. Он словно на вершине духовной вертикали, откуда видится цельность и все частности собираются в единое: праведные и нечестивые, любовь и ненависть, месть и прощение. В этом главенствующем положении мотива в иерархической системе реминисценций заложены предпосылки его сквозной роли – многочисленные библейские реминисценции словно соподчинены единому направляющему вектору в мотиве Страшного суда.

Другой значимый сквозной мотив – земных и небесных сокровищах. Новозаветная заповедь «Не собирайте себе сокровищ на земле» (Мф. 6: 19) была близка Гоголю, об этом свидетельствуют его карандашные пометы на принадлежавшей ему Библии:

– помета «Стяжание» [РО ИРЛИ] напротив слов «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6: 19);

– помета «Хотящие богатиться впадают во все сети» (IX, 158) напротив слов «А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех

зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами подвергли себя многим скорбям» (1 Тим. 6: 9–10);

– помета «Не любите мира» (IX, 150) напротив слов «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2: 15–16).

Отзвук евангельского наставления «не собирайте сокровищ на земле» впервые встречается в повести «Старосветские помещики», где нет прямого упоминания, но есть смысловые параллели, отмеченные М.М. Дунаевым. Исследователь обращается к противопоставлению «покой» – «бес-покойная суета», возводя покой к христианскому пониманию – как совершенство святости, а его отсутствие – как признак несовершенства. «Мир старосветских помещиков, ограждённый от суеты внешнего мира, – «внематериален» в своем бытовом обустройстве, насколько это вообще возможно в земной жизни: никакие чисто меркантильные стремления, никакая корыстная суетность не могут озаботить существование добрых старичков», – так видит жизнь гоголевских героев М.М. Дунаев [Дунаев: 403]. Сам автор «Старосветских помещиков» отмечает это: «Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно» (II, 287).

Вместо собирания земных сокровищ Евангелие призывает раздать их: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19: 21). Св. апостол Павел призывает своего ученика Тимофея: «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего нам все обильно для наслаждения, чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1 Тим. 6: 17–19). Гоголь отметил эти строки, написав на полях своей Библии: «Как быть с богатыми» (IX, 158).

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна всю жизнь стремились – возможно, неосознанно – следовать этим евангельским заповедям. По замечанию М.М. Дунаева, их жизнь «пребывает вне пагубного тяготения к земным сокровищам, напротив, сам смысл этой жизни, кажется, сосредоточен был в намерении отдавать всё другим» [Дунаев: 403].

Гоголевская «Шинель» не содержит прямых ссылок на библейский текст, но, по словам М.М. Дунаева, в этой повести «опора на новозаветную мудрость у Гоголя несомненна, не прямое цитирование Писания слишком очевидно» [Дунаев: 428]. В статье «Об одной евангельской параллели к «Шинели» Н. В. Гоголя» П.Е. Бухаркин обращает внимание на созвучие между текстом повести и 19–21 стихами шестой главы Евангелия от Матфея («Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»). Хотя в тексте повести нет прямых отсылок к данным стихам, их смысловое сходство несомненно. В этом евангельском отрывке как бы содержится в свернутом виде вся гоголевская история.

Многие исследователи отмечали, что с приобретением шинели Башмачкин меняется, но не в лучшую сторону. Он изменяет своему любимому делу, прогуливает службу, которую раньше выполнял не ревностно даже, преследует даму, «у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения» (III, 134). Таким образом, пробуждение героя оборачивается обращением ко злу. «Финал «Шинели», – делает вывод П.Е. Бухаркин, – говорит о том, что собирание сокровищ на земле не просто бессмысленно, ибо они исчезнут – «татие подкапывают и крадут». Это и опасно в высшей степени – привязанный к ним человек не только терпит жизненную неудачу, он приходит, что несоизмеримо важнее, к духовной катастрофе, губит свою душу; не узрев Царствия Небесного, остается в руках князя мира сего» [Бухаркин 1996: 207].

Собирание земных богатств неизбежно ведет к смерти души. О этом впервые Гоголь говорит в повести «Портрет». Е.А. Смирнова отметила, что еще в первой редакции повести (1835) была «намечена схема мертвой души богача-накопителя, предвосхищающая основные черты образа Плюшкина» [Смирнова 1987: 10]. «Портрет» показывает, к чему может привести стремление к стяжанию земных богатств.

Воплощением небесного сокровища в повести становится истинное произведение искусства – картина, которая способна возвысить человека, смотрящего на нее, помочь ему вспомнить о своем предназначении, увидеть свои пороки. Искусство – то небесное сокровище, к которому должен стремиться каждый художник, преодолевая соблазны, встречающиеся на пути. Эту идею Гоголь вложил в уста художника-монаха, дающего наставление своему сыну: «Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве, и по тому одному оно уже выше всего. <...> Ибо для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства. Оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к Богу» (III, 114–115).

Не случайно монах стал примером идеального художника – для служения творчеству надо очистить душу. Эту важную для Гоголя мысль монах высказывает в своем наставлении сыну: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится» (III, 115). Именно так поступает сам монах-художник: осквернив себя написанием пагубного портрета ростовщика, он уходит в монастырь, и, «приуголовив себя подвижнической жизнью отшельника, он возвращается к творчеству и создает картину, которая поражает зрителей как бы исходящим из нее светом духовности» [Воропаев 2014: 67]. В повести отразились монашеские устремления самого Гоголя [См.: Воропаев 2014].

На распутье – между земным и небесным – оказался главный герой первой

части повести, Чартков. Судьба предоставила ему выбор: либо идти тернистым путем, терпеть бедность, но развивать талант, который может принести пользу людям, возвышая и исцеляя их души. Либо стать «модным живописцем» (III, 70), богатым и знаменитым, но чьи картины будут привлекать внимание лишь поначалу и стираться из памяти, не оставляя в душе ничего. Чартков поддался соблазну и отдал себя в рабство земным сокровищам – богатству, славе. За это он не только лишается небесных сокровищ, но и дара, данного свыше – таланта.

Иной – тернистый – путь избрал товарищ Чарткова, он отринул все земное – богатство, славу, друзей и близких – ради искусства. И в итоге стяжал небесное богатство: его картина, написанная «небесной кистью» (III, 93), становится небесным сокровищем, перед которым невольно замирает каждый. Сам Чартков, увидев ее, осознал ошибочность выбора своего жизненного пути, «с очей его вдруг слетела повязка» (III, 95). Потрясение перед картиной было так велико, что Чартков не смог произнести критического отзыва. Но пробуждение не приносит пользы герою, оказывается уже слишком поздно. В погоне за земными сокровищами он навсегда потерял сокровища небесные.

Плюшкин из «Мертвых душ» представляет собой другой тип богача-скупца. Чарткова уже в молодости, по замечанию его наставника-профессора, «начинает свет тянуть» (III, 70), и при стесненных обстоятельствах он порой приобретал то щегольской платок, то шляпу с лоском, а после обретения богатства герой первым делом занялся своей внешностью, снял квартиру и пошел в ресторан. Плюшкин же своим богатством не пользуется, Собакевич говорит о нем: «Восемьсот душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха!» (V, 97).

А.Х. Гольденберг в статье «Библейский контекст в поэтике Пушкина и Гоголя», сравнивая пушкинского Барона из «Скупого рыцаря» и гоголевского Плюшкина, отмечает: «Своей страсти они отдаются вполне бескорыстно, даже в убыток себе. Поглощенный заботой о мелочах вроде кусочка сургуча или клочка бумаги,

Плюшкин теряет огромное богатство» [Гольденберг 2005: 140]. Исследователь отмечает «косвенное указание на литературный источник этой проблемы – евангельское поучение о собирании сокровищ» [Гольденберг 2005: 141] и высказывает предположение, что в пушкинской пьесе и в гоголевской поэме евангельские слова представлены в «обращенном виде» [Гольденберг 2005: 141] – как антипоучение: «Платой за богатство становятся души Барона и Плюшкина, что актуализирует в рассматриваемом контексте всю парадигму смыслов «живой» и «мертвой» души» [Гольденберг 2005: 141].

Когда у Гоголя спросили, воскреснут ли герои первого тома «Мертвых душ», он с улыбкой ответил: «Если захотят» [Феодор (Бухарев), архимандрит: 138]. Но победить страсть очень трудно, и «мертвая душа» Чарткова воскреснуть не смогла.

По словам М.М. Дунаева, Гоголь «сознавал: искусство, как бы высоко оно ни возносилось, останется пребывать среди сокровищ на земле. Для Гоголя же всегда были потребнее сокровища на небе» [Дунаев: 388–389].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление роли Священного Писания в жизни и творчестве Н.В. Гоголя помогает лучше понять своеобразие его творческого метода, который во многом обусловлен религиозным мирозерцанием писателя, а также сложившейся в русской литературе традицией обращения к Библии как источнику сюжетов, образов, мотивов. Широкий подход к изучению проблемы predetermined научную новизну диссертационной работы – это первое системное исследование библейского текста в творчестве Гоголя, с одной стороны, основанное на фактах его биографии, переписки, свидетельствах родственников и ближайшего окружения, с другой – на анализе художественных текстов писателя и его маргиналий на Библии.

В работе проанализированы различные виды библейского текста в произведениях Гоголя на разных уровнях формы и содержания (языковом, стилистическом, семантическом, сюжетном, композиционном): прямые и скрытые цитаты, аллюзии, реминисценции, мотивы, образы, смысловые параллели, сюжетные аналогии и др.

Результаты диссертационного исследования восполнили пробелы в гоголевской маргиналистике: обнаружены и проанализированы новые автографы писателя (13 новых помет). В Ветхом Завете были обнаружены отчеркивание напротив стиха Быт. 5: 29 и текстовые пометы «изображение премудрости» (Сирах. 24: 2), «Сожжение свитка» (Иер. 36: 32), «Прокимен» (Пс. 2: 2), «Св. Троица» (Пс. 32: 6), «О Христе» (Пс. 44: 4). В Новом Завете – пометы: «прощение» (Мф. 6: 14), «пост» (Мф. 6: 16), «стяжание» (Мф. 6: 19), «напутствия Апостолам» (Мф. 10: 5), «о Царствии Небесном» (Мф. 13: 1), «Смиряться как дитя боль<ше> в Царствии Небесн<ом>» (Мф. 18: 1), «Литургия» (1 Кор. 14: 26) [РО ИРЛИ].

Новонайденные пометы на полях Ветхого Завета свидетельствуют об особом интересе Гоголя к темам пророчества о Христе (помета «О Христе»), мудрого

устройства вселенной (помета «изображение премудрости») и др. В диссертации рассмотрена связь маргиналий с библейским текстом в произведениях писателя, исследованы их смысловые параллели. На примерах новозаветных помет («О Царствии Небесном», «стяжание», «прощение», «пост») продемонстрировано, как маргиналии помогают увидеть в художественных сочинениях писателя библейские реминисценции и аллюзии, которые помогают адекватно понять смысл произведения.

Пометы Гоголя на Библии привлекались для подтверждения библейского текста в произведениях писателя. Так, например, помета «Мир со всеми» (IX, 151) напротив слов «Мне отмщенье, Аз воздам» (Рим. 12: 19) служит своеобразным ключом к пониманию многогранного раскрытия Гоголем темы отмщения в повести «Страшная месть». Идею «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» помогает понять гоголевская помета «Откуда брани и свары?» (IX, 149) напротив слов: «Откуда у вас вражды и распри? <...> Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4: 1–3). Апостольские слова указывают на духовные причины ссоры соседей. В «Шинели» реминисценция о земных и небесных сокровищах подтверждается пометой «Стяжание».

Библейский текст в ранних повестях писателя (1828–1836) предстает в имплицитной форме. Он раскрывается в основном в виде реминисценций, смысловых параллелей, метафор.

В результате сравнительного анализа ново- и ветхозаветного толкования понятия отмщения в повести «Страшная месть» выявлены смысловые различия суда людского и суда Божиего. Библейский текст также представлен в повести в виде реминисценций о бесноватом, родовом проклятии, свободе выбора.

В процессе исследования был выявлен ранее неизвестный библейский текст в произведениях писателя: в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном

Никифоровичем», «Вие». Сюжет первой повести рассмотрен в свете слов св. апостола Матфея: «Мирись с соперником твоим скорее <...> чтобы соперник не отдал тебя судье <...> и не ввергли бы тебя в темницу <...> ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5: 25–26). В этом евангельском предостережении содержится в свернутом виде вся история ссоры двух друзей.

Новозаветное изречение «Не участвуйте в делах тьмы» (Еф. 5: 11) проясняет смысл финала «Вия»: за отступление от праведного образа жизни, за «участие в делах тьмы» неминуемо следует возмездие. Хома Брут погиб в схватке с темными силами: от маловерия он испугался и умер. В контексте повести гоголевская помета «Стойте твердо» становится своеобразным заветом писателя потомкам – быть стойкими в вере.

Изучение смысловой организации библейского текста в зрелой прозе выявило ее особенности: переплетение библейских реминисценций в «Шинели», этико-религиозная трактовка мотива пути в «Мертвых душах», многообразные виды библейского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Обобщены исследования ученых, а также введены в научный оборот новые факты библейского текста (реминисценции и аллюзии в «Шинели» и «Мертвых душах»).

В поэме «Мертвые души» в текстах Гоголя об искривленных дорогах (V, 203) была выявлена ассоциация с ветхозаветными словами о кривых и прямых путях (Пс. 124: 5, Ис. 42: 16). Раскрыто этико-религиозное осмысление дороги как «пути жизни и смерти», проведена смысловая параллель между евангельским «путем жизни» и «живой душой», между «путем смерти» и «мертвой душой».

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» присутствует предельная концентрация скрытого и прямого цитирования Священного Писания, разнообразие форм библейского текста. Здесь наблюдается своего рода обобщение многих библейских мотивов, к которым Гоголь обращался в раннем творчестве. Из всех произведений писателя «Выбранные места...» наиболее близки к поэтике

Священного Писания.

Полученные в процессе исследования результаты были обобщены в заключительной главе диссертации: рассмотрена эволюция библейского текста, особенности его претворения в разные периоды творчества Гоголя. Выделены и проанализированы четыре этапа обращения писателя к Библии:

1) в раннем творчестве (1828–1832) встречаются единичные упоминания изречений и образов Священного Писания. Исключением служит повесть «Страшная месть», где в финале изображается картина Божьего суда;

2) петербургские повести и цикл «Миргород» (1833–1836) не имеют явных отсылок к Священному Писанию, но и здесь можно найти смысловые переключки. Они помогают увидеть новые грани раскрытых в повестях тем: веры в Бога, отношения к ближним.

3) в процессе работы над первым томом «Мертвых душ» (1836–1842) Гоголь начинает все больше внимания уделять изучению Священного Писания и святоотеческого наследия. Произведения начала 1840-х гг. («Шинель», первый том «Мертвые души», новые редакции «Портрета» и «Тараса Бульбы») отличаются увеличением количества библейских реминисценций и их более сложной организацией.

4) в произведениях последнего периода жизни и творчества Гоголя (1843–1852) – втором томе «Мертвых душ» и «Выбранных местах из переписки с друзьями» – библейский текст проявляется на разных уровнях формы и содержания (языковом, стилистическом, семантическом, сюжетном, композиционном). Он раскрывается в смысловых параллелях, скрытых и прямых цитатах, аллюзиях, в обращении к библейским образам и сюжетам.

В ходе исследования прослежена закономерность динамичного нарастания в использовании библейского текста: его количественное возрастание и концентрация от ранних произведений ко второму тому «Мертвых душ» и «Выбранным местам из

переписки с друзьями», а также качественного углубления: от реминисценций в ранних произведениях к аллюзиям и цитатам в зрелом творчестве.

Рассмотрены сквозные библейские мотивы: земных и небесных сокровищ, Страшного суда. Последний мотив приобрел в творчестве писателя главенствующую роль: прямые и косвенные упоминания о мотиве Божиего суда можно встретить в «Страшной мести», апокалиптическом финале «Вия», «Мертвых душах» и других произведениях Гоголя. Не менее важным в творчестве Гоголя является мотив земных и небесных сокровищ. Впервые он появляется в повести «Старосветские помещики», где нет прямого упоминания об этих евангельских словах, но есть смысловые параллели. Полноценное звучание мотив приобрел в зрелых произведениях: в «Портрете», «Шинели», «Мертвых душах» писатель показал, к чему может привести стремление к стяжанию земных богатств. Об интересе Гоголя к темам Страшного суда и земных и небесных сокровищ свидетельствуют его маргиналии на Библии.

Перспективным представляется дальнейшее изучение библейского текста в творчестве Гоголя: поиск смысловых параллелей между его пометами и произведениями, изучение библейских реминисценций, аллюзий, цитат, сквозных мотивов (прощения, мира, любви к ближнему, лестницы, бесноватого, блудного сына) в других произведениях Гоголя (в повестях «Тарас Бульба», «Портрет» и т.д.), в драматургии, переписке, записных книжках. Это путь к более углубленному изучению библейского текста художественных произведениях писателя и их адекватному пониманию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ КНИГ БИБЛИИ

Ветхий Завет

Быт. – Бытие

Втор. – Второзаконие

Дан. – Книга пророка Даниила

Зах. – Книга пророка Захарии

Иез. – Книга пророка Иезекииля

Иер. – Книга пророка Иеремии

Ис. – Книга пророка Исаии

Исх. – Исход

Лев. – Левит

Притч. – Притчи Соломона

Пс. – Псалтирь

Сир. – Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова

Чис. – Числа

Новый Завет

1 Ин. – Первое Послание Иоанна

1 Кор – Первое Послание к Коринфянам

1 Фес. – Первое Послание к Фессалоникийцам (солунянам)

2 Кор – Второе Послание к Коринфянам

2 Пет. – Второе Послание Петра

2 Тим – Второе Послание к Тимофею

2 Фес. – Второе Послание к Фессалоникийцам (Солунянам)

Гал. – Послание к Галатам

Евр. – Послание к Евреям

Еф. – Послание к Ефессянам

Иак. – Послание Иакова

Ин. Евангелие от Иоанна

Кол. – Послание к Колоссянам

Лк. – Евангелие от Луки

Мк. – Евангелие от Марка

Мф. – Евангелие от Матфея

Откр. – Откровение Иоанна (Апокалипсис)

Рим. – Послание к Римлянам

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009–2010.

2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений : В 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994.

3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / Редкол.: Н.Л. Мещеряков; В.В. Гиппиус, В.А. Десницкий, В.Я. Кирпотин, Н.К. Пиксанов, Б.М. Эйхенбаум. М.; Л., 1937–1952.

4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. / Редкол.: Е.И. Анненкова, А.Г. Битов, С.Г. Бочаров, Л.Д. Громова-Опульская, В.М. Гуминский, И.А. Зайцева, И.В. Карташова, Ю.В. Манн. М., 2001.

***

5. Аверьянова М.А. Постигение Н.В. Гоголем тайны обожения // Преподобный Серафим Саровский и русская литература. М., 2004. С. 171–175.

6. Айзикова И.А. Библейский текст в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и славянский мир. Томск, 2007. Вып. 1. С. 122–136.

7. Александрова И.В. «Нет повести печальнее...» («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя и комедия А.А. Шаховского «Ссора, или Два соседа») // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011. С. 193–203.

8. Андреев И.М. Н.В. Гоголь. Религиозное лицо Гоголя. // Русские писатели XIX века. Очерки по истории русской литературы XIX века. М., 2009. С. 209–250.

9. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983.

10. Анненкова Е.А. «Светлое воскресенье» Гоголя: тема и жанр //

Гоголевский сборник. СПб., Самара, 2005. Вып. 2 (4). С. 148–160.

11. Анненкова Е.И. «Страхи и ужасы России» (Диалог автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» с современниками) // Гоголеведческие студии. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 55–90.

12. Анненкова Е.И. Мирская святость как опыт жизни и предмет творческой рефлексии Н.В. Гоголя // А.М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы. СПб., 2008. С. 138–149.

13. Анненкова Е.И. Телесное и духовное в традиционной народной культуре и в прозе Н.В. Гоголя (Семантика и функции еды) // Седьмые Гоголевские чтения. Гоголь и народная культура. М., 2007. С. 163–174.

14. Анненкова Е.И. Фольклорный, библейский и литературный аспекты мотива нищенства в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Фольклор: традиции и современность. Таганрог, 2003. Вып. 2. С. 92–98.

15. Антипьев Н.П. Четыре казни и катарсис // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2009. С. 18–26.

16. Архимандрит Константин (Зайцев). Гоголь как учитель жизни // Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004. С. 340–357.

17. Архипова Ю.В. «Шинель» Гоголя как апокалиптическая повесть // Новые идеи в философии природы и научном познании. Философские проблемы науки и культуры. Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 324–333.

18. Балакшина Ю.В. Пометы Н.В. Гоголя в книге Бытия: материалы и интерпретация // Седьмые Гоголевские чтения. Гоголь и народная культура. М., 2007. С. 302–312.

19. Барабаш Ю. «“Страшная месть” в двух измерениях. Миф и (или) история» // Вопросы литературы. 2000. № 3. С. 171–211.

20. Барабаш Ю. Сладкий ужас мщенья, или Зло во имя добра? (месть как религиозно-этическая проблема у Гоголя и Шевченко) [Электронный ресурс] //

Вопросы литературы. М., 2001. № 3. С. 31–65. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/3/barabash.html> (дата обращения: 29.01.2015).

21. Барановская Е.П. «Записки сумасшедшего» как сюжет о починке ветхого мира // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2006. С. 158–163.

22. Баталова Т.П. Символика «шинели» в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Вестник Костромского гос. ун-та. Кострома, 2011. Т. 17. № 2. С. 123–128.

23. Бельтраме Ф. К вопросу о парадоксальности богоискания в повести Гоголя «Нос» // Гоголь как явление мировой литературы. Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. М., 2003. С. 168–177.

24. Бельтраме Ф. Мотивы обиды и возмездия в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Критика и семиотика. Новосибирск, 2006. Вып. 10. С. 74–81.

25. Беседы схииерхимандрита Оптинского скита старца Варсонофия с духовными детьми. Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. СПб. 1991.

26. Бицилли П.М. «Проблема человека у Гоголя» // Гоголь Н.В. Петербургские повести. М., 2004. С. 321–328.

27. Болотина Т. «Я брат твой...»: Еще раз о «Шинели» // Литература. М., 2009. № 12. 16–30 июня. С. 14–16.

28. Бочаров С. Вокруг "Носа" // Вопросы литературы. М., 1993. № 4. С. 69–92.

29. Бочаров С.Г. Петербургские повести Гоголя // Гоголь Н.В. Петербургские повести. М., 1978. С. 197–207.

30. Бочаров С.Г. Холод, стыд и свобода: (История литературы sub specie Священной истории) // Вопросы литературы. 1995. №5. С. 126–157

31. Бухаркин П.Е. «Об одной евангельской параллели к «Шинели» Н.В. Гоголя (к проблеме внетекстовых факторов смыслообразования в

повествовательной прозе)» // Концепция и смысл. Сборник статей в честь 60-летия профессора В.М. Марковича. СПб., 1996. С. 197–212.

32. Вайскопф М. Библейская Русь у позднего Гоголя // Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М.; Иерусалим, 2008. С. 130–135.

33. Валагин А. Утерянный рай. О повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Уроки литературы. Приложение к журналу «Литература в школе». М., 2008. № 11. С. 1–4.

34. Васильев В.К. Творчество позднего Н.В. Гоголя в свете эсхатологической сюжетики XVI первой половины XIX века // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2011. С. 37–66.

35. Виноградов И.А. «Я брат твой». О повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Сб. научных трудов. Петрозаводск, 2001. С. 214–240.

36. Виноградов И.А. Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками // Гоголеведческие студии. Нежин, 2014. Вып. 4 (21). С. 12–17.

37. Виноградов И.А. Гоголь-художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М., 2000. 447с.

38. Виноградов И.А. От «Миргорода» к «Мертвым душам»: об идейной преемственности образов Н.В. Гоголя // Духовный потенциал русской классической литературы. Сб. научных трудов. М., 2007. С. 366–375.

39. Виноградов И.А. Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004. С. 154–306.

40. Виноградов И.А. Узы небесного братства. Повесть Гоголя «Тарас Бульба» и ее судьба // Н.В. Гоголь и Православие. Сб. статей о творчестве Н.В. Гоголя. М., 2004. С. 112–197.

41. Виноградов И.А. Художник-христианин: Об изучении творчества Н.В. Гоголя // Филология и школа. М., 2003. Вып. 1. С. 260–295.
42. Виноградов И.А., Воропаев В.А. Карандашные пометы и записи Н.В. Гоголя в Славянской Библии 1820 года издания // Проблемы исторической поэтики. Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1998. С. 234–249.
43. Воронова Н.Г. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: христианская символика чисел // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. Барнаул, 2011. С. 371–381.
44. Воропаев В.А. «...Этот необыкновенный лиризм...»: о влиянии церковнославянского языка на творчество Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2005. № 4. С. 11–14.
45. Воропаев В.А. «В сердце... полученный урок»: Из последних дней жизни Гоголя // Духовный собеседник. Самара, 2001. № 1/2. С. 202–210.
46. Воропаев В.А. «На зеркало неча пенять...»: смысл эпитафии и «немой сцены» в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Русская речь. М., 2002. № 6. С. 9–15.
47. Воропаев В.А. «Творить без любви нельзя». Гоголь за чтением Библии // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 120–133.
48. Воропаев В.А. «Творить без любви нельзя». Священное Писание в жизни и творчестве Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2013. №3. С. 83–92.
49. Воропаев В.А. Гоголь и церковнославянский язык // Московский журнал М., 2006. № 3. С. 38–39.
50. Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг: научно-популярные очерки. М., 2002. 207 с.
51. Воропаев В.А. Книги для Гоголя. О величайшей приятности чтения // Библиотечное Дело. СПб, 2013. № 4 (190). С. 18–26.

52. Воропаев В.А. Н.В. Гоголь: жизнь и творчество. М., 2002. 125 с.
53. Воропаев В.А. Нет другой двери... Гоголь и Евангелие // Уроки литературы. Приложение к журналу «Литература в школе». М., 2012. № 3. С. 1–4.
54. Воропаев В.А. Николай Гоголь: опыт духовной биографии. М., 2014. 336 с.
55. Воропаев В.А. Пословицы и притчи в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2002. № 2. С. 96–102.
56. Вранчан Е.В. Функции финала в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» // Поэтика финала. Межвузовский сб. научных трудов. Новосибирск, 2009. С. 158–162.
57. Гаджиева Т.Б. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и религиозная позиция ее автора // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2007. № 4. С. 91–93.
58. Герасименко А. «Лествица, возводящая на небо» (Н.В. Гоголь) // «Из Божьего света...». Кн. 3. Литературоведческие статьи: рядом с М.Ю. Лермонтовым. М., 2009. С. 29–44.
59. Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко. СПб., 1881.
60. Глянц В.М. Гоголь и Апокалипсис. М., 2004. 328 с.
61. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. Т. 1 / Издание подготовил И.А. Виноградов. М., 2011. 905 с. Т. 2 / Издание подготовил И.А. Виноградов. М., 2012. 1032 с. Т. 3 / Издание подготовил И.А. Виноградов. М., 2013. 1168 с.
62. Голубева С.В. Добро и зло в нравственном мире Н.В. Гоголя // Научное мнение. СПб., 2013. № 12. С. 13–20.
63. Гольденберг А.Х. «Не собирайте себе сокровищ на земле...» (Проблема цены богатства в творчестве Гоголя) // Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях: Материалы Всероссийской

научно-практической конференции. Михайловка, 21–22 октября 2010 г. Волгоград, 2011. С. 195–199.

64. Гольденберг А.Х. «Тот» и «этот» свет в поэме «Мертвые души» // Восток Запад в пространстве русской литературы и фольклора: материалы Третьей Международной научной конференции (заочной). Волгоград, 2009. С. 301–306.

65. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. Волгоград, 2007. 261 с.

66. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. М., 2014. 232 с.

67. Гольденберг А.Х. Библейский контекст в поэтике Пушкина и Гоголя // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские Чтения. Сборник докладов. М., 2005. С. 139–152.

68. Гольденберг А.Х. Библейский текст в экфрасисе Гоголя // Поэтика русской литературы. Сб. статей [К 80-летию проф. Ю. В. Манна]. М., 2009. С. 404–418.

69. Гольденберг А.Х. Гоголь и славянские народные представления о посмертном существовании души // Н.В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепции). Сб. статей. Томск, 2008. Вып. 2. С. 199–213.

70. Гольденберг А.Х. Топос рая в прозе Гоголя: фольклорные и литературные истоки // Восток Запад: пространство русской литературы: Материалы Международной научной конференции (заочной). Волгоград, 25 ноября 2004 г. Волгоград, 2005. С. 131–141.

71. Гольденберг А.Х., Гончаров С.А. Гоголь и Караваджо: к проблеме интерпретации символического сюжета // Восток Запад: пространство русской литературы и фольклора. Волгоград, 2006. С. 25–33.

72. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. 340 с.

73. Горячева С.В. Христианские и языческие мотивы в повести «Вечер накануне Ивана Купала» Н.В. Гоголя // Православие и русская литература. Арзамас, 2009. С. 130–133.
74. Григорьев А.А. Гоголь и его последняя книга // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 106–125
75. Гуминский В.М. Гоголь и четыре урока «Миргорода» // Н.В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н.В. Гоголя. М., 2004. С. 350–358.
76. Гуминский В.М. Гоголь о любви и браке // Н.В. Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения: Сборник докладов. М., 2004. С. 73–89.
77. Гуминский В.М. Гоголь о любви и браке. К юбилею писателя // Роман-журнал XXI век. М., 2009. №3 (121). С.10–15.
78. Гуминский В.М. Гоголь о смысле любви // Литература в школе. М., 2009. № 8. С. 2–6.
79. Гуминский В.М. Жизнь и творчество Гоголя в контексте православной традиции // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. № 1. С. 3– 44.
80. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] http://v-dal.ru/word_s-5094.html (дата обращения: 29.01.2015).
81. Денисов В.Д. Евангельские мотивы в последних записях Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск; М., 2012. С. 49–58.
82. Дергачева И.В. Синодичные мотивы в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького М., 2007. С. 70–74.
83. Дмитриева К.К., Кузнецова О. Н. Духовный лабиринт Гоголя и сад Плюшкина // Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный. 2-е изд. М., 2008. С. 289–297.
84. Долгушин Д.В., свящ. Еще раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н.В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2007. № 4. С. 30–

35.

85. Долгушин Д.В., свящ. Новый Завет в переводе В.А. Жуковского: история создания и публикации // Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского. СПб., 2008. С. 408–447.

86. Долгушин Д.В., свящ. Тема спасения от зла в творчестве Н.В. Гоголя. // Источниковедение в школе. Журнал для учащихся и учащихся. Новосибирск, 2009. Вып. 1–2 (7–8). С. 85–98.

87. Дунаев А.Г. Гоголь как духовный писатель. М., 1998. №1. С. 391–427.

88. Дунаев М.М. Православие и русская литература: Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 5-ти частях. Ч. II. – М., 1996. – 480 с.

89. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. I–II. М., 2001.

90. Евангелие Достоевского: В 2 т. Т. 1.: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания. М., 2010. 656 с. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. / В.Н. Захаров, В.С. Молчанов, Б.Н. Тихомиров. М., 2010.

91. Есаулов И.А. Пасхальность в поэтике Гоголя // Н.В. Гоголь и мировая культура. Вторые Гоголевские чтения. М., 2003. С. 21–28.

92. Есаулов И.А. Пасхальность в поэтике Гоголя // Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004. 227–257.

93. Есаулов И.А. Фольклорное и христианское в поэтике Гоголя: проблемное поле // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2012. С. 222–227.

94. Жаравина Л.В. «Драматические опыты» А.С. Пушкина в философском контексте: учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград, 1995. 124 с.

95. Застрожнова (Сокол) Е.М. Проблема «маленького человека» в творчестве Н.В. Гоголя // «Маленький человек» в свете христианской традиции (от Гоголя к Достоевскому). М., 2004. С. 18–57.

96. Захаров В.Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: В 2 т. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. М., 2010. С. 5-35.
97. Звиняцковский В.Я. «Дайте людям архетип...». Н. Гоголь и Т. Шевченко: атавистическое подсознание национально ответственных личностей // Н.В. Гоголь и русская литература. Девятые Гоголевские чтения: К 200-летию со дня рождения великого писателя. Сб. докладов Международной научной конференции, Москва 1–5 апреля 2009 г. М., 2010. С. 136–143.
98. Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь. Париж: YMCA-Press, [1961]. 261 с.
99. Иванова Н.П. Символика зеркала в творчестве русских романтиков (на примере творчества Н.В. Гоголя и В.Ф. Одоевского) // Наукові записки Харківського національного пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Харків, 2011. С. 3–10.
100. Ильин А.В. Религиозность и искусство в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Пушкинские чтения 2009. СПб., 2009. С. 189–195.
101. Ильичев А. «Зачем крутится ветер в овраге»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24. С. 146–148.
102. Камедина Л.В. Духовные смыслы в творчестве Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 14–17.
103. Каримова Н.В. Мотив «блудного пира» в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Знание. Понимание. Умение. М., 2009. № 3. С. 150–153.
104. Кириченко О.А. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Библиейские цитаты как средство выражения авторской мысли: автореферат дис. <...> к-та филологических наук. Ульяновск., 2008. 25 с.
105. Кириченко О.А. Семантика эпиграфа к роману «Анна Каренина» «Мне отмщение, и Аз воздам» в контексте религиозно-философских воззрений Л. Н. Толстого 70-х годов XIX века // Многоликий Толстой: Вторая Всероссийская научная конференция. Самара, 23 ноября 2006 г. Самара, 2008. С. 35–43.

106. Ковалева Ю. Творчество Гоголя и традиции учительной литературы: символика гибнущей и спасающейся души // Гоголь как явление мировой литературы. Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. М., 2003. С. 273–277.

107. Козаногин С.В. Художественная рецепция Ветхого Завета в русской литературе XIX–начала XX веков (на материале "Книги Песни Песней Соломона", "Книги Иудифи" и "Книги Судей Израилевых") : автореферат дис. <...> к-та. филологических наук; Волгоград, 2011. 26 с.

108. Коздринь Я.Р. «Правило жития в мире» Н.В. Гоголя в контексте святоотеческой традиции // Проблемы художественной антропологии: Материалы III межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Тара, 2009. С. 57–60.

109. Коздринь Я.Р. Символ лестницы в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2009. Т. 15. № 4. С. 34–38.

110. Кораблев А.А. Лестница Гоголя: ступени и наставления // Икона в русской словесности и культуре. Сборник статей. М., 2012. С. 432–454.

111. Коржова Е.Ю. Духовная лестница Н.В. Гоголя: Личность и творчество. СПб., 2009. 615 с.

112. Коржова Е.Ю. Психология семейных отношений в повести «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 2. СПб., 2008. С. 64–69.

113. Котельников В.А. О христианских мотивах у русских поэтов // Литература в школе. 1994. N 3. С. 3–10.

114. Кривонос В.Ш. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя и евангельская топика // Гоголеведческие студии. Нежин, 1999. Вып. 4. С. 41–49.

115. Кривонос В.Ш. «Шинель» Гоголя в евангельской перспективе // Эйхенбаумовские чтения: Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж, 1996. С. 27–29.
116. Кривонос В.Ш. Дом Плюшкина // Универсалии русской литературы. Воронеж, 2009. С. 410–419.
117. Кривонос В.Ш. Образы хаоса у Гоголя // Восток Запад в пространстве русской литературы и фольклора: материалы Третьей Международной научной конференции (заочной). Волгоград, 2009. С. 307–316.
118. Кривонос В.Ш. Порог и лестница в «Мертвых душах» Гоголя // Новые гоголеведческие студии. Ніжин, 2007. Вып. 5 (16). С. 114–127.
119. Кривонос В.Ш. Притча о назначении человека. О втором томе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Литература в школе. М., 2009. № 2. С. 2–10.
120. Кривонос В.Ш. Путь, учительство, иной мир во втором томе «Мертвых душ» Гоголя // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 2014. Вып. 4 (21). С. 69–80.
121. Купреянова Е.Н. Н.В. Гоголь // История русской литературы: в 4-х т. Т. 2. Л., 1981. 530–580.
122. Курочкина-Лезина А.В. Архетипическая образность русского православия в духовной прозе Н.В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями») // Православие и русская литература. Арзамас, 2004. С. 46–52.
123. Лепяхин В.В. Образ иконописца в русской литературе XI–XX веков. М.: Русский путь, 2005. 472 с.
124. Лит. газета. 1842. 14 июня, № 25. С. 470–471.
125. Лицей князя Безбородко. СПб. 1859.
126. Лотман Л.М. Проблема «Всемирной отзывчивости» Пушкина и библейские реминисценции в его поэзии и «Борисе Годунове» // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. XVI–XVII. С. 131–147.

127. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1968. Вып. 209. С. 5–50.
128. Лотто Ч. Лествица «Шинели» // Вопр. философии. 1993. №8. С. 58–83.
129. Макурина А.Г. Эволюция демонологического образа в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Вестник СНО. Волгоград, 2006. № 22. С. 130–132.
130. Малиновский И.Д. Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Филологии и Права при Императорском Варшавском Университете. Варшава, 1902. Вып. 1.
131. Маркевич А.И. Николай Васильевич Гоголь // По морю и по суше. Одесса, 1895. № 7.
132. Меркулова И.И. Образ дороги в творчестве Н.В. Гоголя: в контексте христианской традиции // Духовная традиция в русской литературе: сб. научных статей. Ижевск, 2009. С. 253–257.
133. Мехедов В.Н. Роль страха в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» : VII класс // Литература в школе. 2006. № 10. С. 29-32.
134. Михед П.В. Евангелизмы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и их функциональная семантика // Література та культура Полісся. Ніжин, 1997. Вып. 9. С. 85–88.
135. Михед П.В. Об апостольском проекте Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. М., 2003. С. 42–55.
136. Моклецова И.В. Духовные аспекты творчества Н.В. Гоголя // Моклецова И.В. Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А.Н. Муравьева. М., 2014. С. 141–154.
137. Монахова И. Н.В. Гоголь: размышления о вечном // Дельфис. М., 2013. № 2 (74). С. 30–35.
138. Монахова И. Небесное и земное. Статьи о художественном и духовном

творчестве Н. В. Гоголя. М., 2009. 283 с.

139. Монахова И. Преддверие духовной прозы Гоголя: о стихотворении в прозе «Жизнь» // Литература в школе. М., 2010. № 7. С. 19–21.

140. Монахова И. Примеры отражения религиозного мистического опыта в литературе // Уровень. М., 2004. № 2. С. 1–7.

141. Монахова И. Страхи и ужасы. О повести Н. Гоголя «Вий» // Вопросы литературы. М., 2009. Вып. 3. С. 269–303.

142. Мочульский К.В. Достоевский. Принстон, 1967.

143. Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004. С. 40–154.

144. Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя. Париж, 1934. 151 с.

145. Неводчикова Н. Воспоминания о Н.В. Гоголе // Библиографические Записки. М., 1859. № 9.

146. Налетова Т.Б. Христианские мотивы возмездия и пути спасения души в раннем творчестве Н.В. Гоголя // Вестник Костромского гос. ун-та. Кострома, 2012. Т. 18. № 5. С. 130–133.

147. Неволлина С.А. Кто же такой Чичиков: «подлец», «приобретатель» или..? // Литература в школе. 2009. № 3. С. 35–39.

148. Незовибатько О.Е. Психологизм и «внутренний» человек: к вопросу о соотношении понятий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. № 2 (2). Самара, 2013. С. 467–472.

149. Незовибатько О.Е. Самоистолкование и поиск «внутреннего человека» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. Саратов, 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 61–69.

150. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского / Редкол.: Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова, свящ. Д. Долгушин. СПб., 2008.

151. Оганезова Л.В. Тема любви и добра в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Язык и межкультурная коммуникация. СПб., 2010. С. 265–272.
152. Оклот М. Истерия, бесконечность и глупость. Испытание святого Фомы // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011. С. 179–192.
153. Ордина О.Е. Гоголь: смысл жизни и творчества в зеркале ценностей православной традиции // Научные труды Вятского социально-экономического института. Киров, 2004. Вып. 3. С. 126–134.
154. Осадчая Л.А. «Шинель» Гоголя в парадигме религиозной культуры // Сибирский учитель. 2003. № 1. С. 54–56.
155. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М., 2003. 432 с.
156. Осокина И. «Не собирайте сокровищ на земле...» «Портрет» Н.В. Гоголя. IX класс // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 41–43.
157. Павлинов С. А. Путь духа: Николай Гоголь. М., 1998.
158. Паламарчук Н.Г. «Ключ к Гоголю // Паламарчук П.Г. Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М. 1990.
159. Пантелеев И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Портрет» в свете православного вероучения // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2005. Ч. 2. С. 89–91.
160. Паперный В.М. О религиозном смысле демонологии Гоголя // Юбилейная международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Тезисы. М., 2009. С. 21–24.
161. Патапенко С.Н. Мотив дороги в драматургии Н.В. Гоголя // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда, 2012. Ч. 2. С. 125–129.

162. Пивоваров А.Б. Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Новосибирск, 2006. Вып. 1–2 (7–8). С. 160–170.

163. Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. Т. 50. С. 430–443.

164. Пороль П.А. Апокалипсические мотивы в творчестве Гоголя (на примере произведения «Выбранные места из переписки с друзьями») // «Нужно любить Россию...»: Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Оренбург, 10–11 апреля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 103–107.

165. Проповеди годового круга / Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). М.: Артос-Медиа, 2009.

166. Проскурина-Янович П. Библейский контекст повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Источниковедение в школе. Журнал для учащихся и учащихся. Вып. 1–2 (7–8): К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Новосибирск, 2009. С. 109–118.

167. Радь Э.А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография. М., 2014. 278 с.

168. Радь Э.А. Трансформация «вечного текста» в творчестве Н.В. Гоголя: // Теоретические и методические аспекты изучения литературы. Вторые Качуринские чтения: сб. материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 18 мая 2012 г. Стерлитамак, 2012. Ч. 2. С. 46–54.

169. Ранчин А.М. «Червяк» в коконе, или Воскрешение Плюшкина: Замысел «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя и его воплощение // Литература. М., 2009. 1–15 апреля. № 7 (670). С. 26–30.

170. РО ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 73.

171. Романова Г.И. Мотив денег в русской литературе XIX века: Учебное пособие. М., 2006. 216 с.
172. Савенков А.И. Мифология и религия в романтизме Н.В. Гоголя // Романтизм: Истоки, метафизика, эволюция. Екатеринбург, 2006. С. 122–143.
173. Савинков С.В. Отчизна сечи и отчизна души в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя. \ Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2012. С. 143–147.
174. Святитель Афанасий Великий Толкование на псалмы. М.: Благовест, 2011.
175. Сдобнов В.В. Фантастическое и реальное в демонологии Гоголя первой половины 1830-х гг. // Гоголевский сборник. СПб.; Самара, 2003. С. 24-36.
176. Сесорова В.И. О духовном смысле комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Сибирский учитель. Новосибирск, 2009. № 61. С. 24–25.
177. Сивкова А.В. К вопросу о «несходстве» текстов раннего и позднего Гоголя: Словесная репрезентация мотива дороги // Функционирование лексических единиц и грамматических категорий в русском языке. Калининград, 2004. С. 113–119.
178. Симеон (Томачинский), иеромонах. Путеводитель к светлому Воскресению: Н.В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями». М., 2009. 164 с.
179. Сироткина Н.В. Окаменение Собакевича в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Вестник молодых ученых Ивановского гос. ун-та. Иваново, 2012. Вып. 12. С. 192–194.
180. Сквиря Н.М. Функции евангельской притчи во втором томе «Мертвых душ» Николая Гоголя // Н.В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепции): Сб. статей. Томск, 2008. Вып. 2. С. 223–230.

181. Сквиря Н.М. Функциональная природа евангельских формул в контексте второго тома «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Література та культура Полісся. Ніжин, 2004. Вып. 24. С. 85–88.
182. Скрипник А.В. Прорыв сквозь молчание в творчестве Н.В. Гоголя и А.С. Грибоедова // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2012. № 1 (09). С. 137–140.
183. Смирнова Е.А. Поэма Гоголя "Мертвые души". Л., 1987. 199с.
184. Смирнова С.А. Религионимы в повести Н.В. Гоголя "Тарас Бульба" // Святоотеческие традиции в русской литературе: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Омск, 2009. Ч. 2. С. 44-52.
185. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
186. Сокурова О.Б. «Петербургские повести» Гоголя: опыт духовного прочтения // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)». СПб., 2009. С. 128–157.
187. Сокурова О.Б. Н.В. Гоголь: слово о художнике (На материале «Петербургских повестей») // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2010. № 1. С. 64–67.
188. Соливетти К. Автор и его зеркала. СПб., 2005. 248 с.
189. Строганов М.В. «Повести» Гоголя 1842 года и весенний христианский календарь // Гоголевский сборник. Вып. 2 (4). СПб.; Самара, 2005. С. 102–113.
190. Суворов А.А. Немой суд Гоголя // Вестник Челябинского гос. ун-та. Челябинск, 2007. № 20. Филология. Искусствоведение. Вып. 16. С. 136–143.
191. Суворов А.А. Судейские мотивы в статье Н.В. Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и в журнале «Библиотека для чтения» // Властные функции СМИ: литературно-журнальные традиции и современная масс-медийная практика. Саратов, 2006. С.187–203.

192. Судос Г.С. Мотив зеркала в творчестве Н.В. Гоголя // Сибирский учитель. Новосибирск, 2009. № 61. С. 34–35.

193. Тарасов Ф.Б. Пушкин и Достоевский: евангельское слово в литературной традиции: дис. <...> д-ра филологических наук. М., 2011. 368 с.

194. Тоичкина А.В. Тема ада у Котляревского и Гоголя («Энеида» и «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011. С. 130–138.

195. Толстой Л. Н. Воскресение. М., 1964. 580 с. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/vsk/vsk-005-.htm> (дата обращения 29.01.15).

196. Томачинский В.В. К вопросу о своеобразии стиля «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Гоголеведческие студии. Нежин, 1999. С. 147–156.

197. Томачинский В.В. Стилистический синтез Гоголя // Континент. М., 2002. № 114. С. 372–384.

198. Третьяков Е.О. Пространство света в повести Н. В. Гоголя «Рим» // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2012. № 354. С. 31–34.

199. Ульянов Н. Арабеск или Апокалипсис? // Н.В. Гоголь: pro et contra, Т. 1, 2009. С. 766–781.

200. Ульянов Н. Арабеск или Апокалипсис? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 57.

201. Урюпин И.С. «Ум» и «сердце» в богоискательской традиции русской литературы XIX в. (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) // Проблемы современного филологического образования. М.; Ярославль, 2005. Вып. 6. С. 95–106.

202. Фаустова Т.С. Текстовая реализация лексемы «душа» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Текст: семантика, форма, функция: Материалы Межвузовской научно-практической конференции, 6–7 октября 2004 г. Тамбов, 2004. С. 288–291.

203. Федоров В.В. Значение отрицательной ценности у Пушкина и Гоголя («Скупой рыцарь» и «Мертвые души») // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские Чтения: Сборник докладов. М., 2005. С. 311–318.
204. Федулова Е.Г. Философия еды в произведениях Н.В. Гоголя // Слово. Преображение. Текст. Анализ языковой культуры. Краснодар, 2014. С. 147–157.
205. Фесенко Э.Я. Павел Иванович Чичиков: «обольщение богатством» // Фесенко Э.Я. Русская литература XIX века в поисках героя. М., 2013. С. 197–210.
206. Хетсо Г. Гоголь как учитель жизни: Новые материалы // Scando Slavica. Copenhagen, 1988. Т. 34. С. 55–67.
207. <Хитрово Е. А.> Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. СПб., 1902. №3.
208. Целехович Т.П. «Я воюю с ними и изгоню их...»: мифологема одержимого бесом в «Страшной мести» Н.В. Гоголя // Литература та культура Полісся. Ніжин, 2004. Вып. 24. С. 70–77.
209. Целехович Т.П. Образ ребенка в творчестве Н. Гоголя и Я. Барщевского // Н.В. Гоголь и современная культура: Шестые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции. М., 2007. С. 205–214.
210. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х томах М., 1991. Т.1. 801 с.
211. Чернышева Е.Г. К вопросу об апофатическом религиозном подтексте в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Преподаватель XXI век. М., 2009. № 1. Ч. 2. С. 299–304.
212. Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя // Н.В. Гоголь. Петербургские повести. М., 2004. С. 269–292.
213. Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. №67. Париж, 1938. С. 172–195.

214. Чижев А.Г. Как говорит Бог Иова и Ломоносова // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24. С. 143–144.
215. Чиркова, Г.А. "Диалог о человеке и вере" в творчестве Н.В. Гоголя и А.А. Иванова // Русская словесность. 2008. № 6. С. 13–16.
216. Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля М., 1977. 445 с.
217. Шелестова З.А. «Из Ада в Рай»: К вопросу о творческом замысле поэмы «Мертвые души» // Русская словесность. М., 2012. № 4. С. 5–14.
218. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. 978 с.
219. Штаб В.А. Библейская притча в структуре рассказа Н.В. Гоголя «Коляска» // Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст. Кемерово, 2011. С. 79–84.
220. Штаб В.А. Новозаветная притча об одержимом как символическая перспектива рассказа Н.В. Гоголя «Коляска» // VIII Пасхальные чтения: Материалы восьмой научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». М., 2011. С. 204–208.
221. Штаб В.А. Тема пути в повести Н.В. Гоголя «Вий» и ее отражение в произведении Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» // Сибирский филологический журнал. Барнаул, 2011. № 4. С. 86–93.
222. Шульц С.А. Идиллия и Хтонос (от «Вия» Гоголя к «Дьяволу» Л. Толстого) // Восток Запад в пространстве русской литературы и фольклора: материалы Третьей Международной научной конференции (заочной). Волгоград, 2009. С. 317–322.
223. Шуралев, А.М. "Я брат твой". Образ лестницы в повести Н.В. Гоголя "Шинель" // Литература в школе. 2007. № 6. С. 18–20.
224. Янчевская А.Ю. Проблемы искусства в духовных исканиях Н.В. Гоголя: Пособие по спецкурсу. Тверь, 2003. 204 с.

225. Keil R.-D. Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate // Festschrift für Herbert Brauer. 1986. S. 193–220.
226. Кайль Р.-Д. Гоголь у дзеркалі своїх біблійських цитат // Гоголеведческие студии. Нежин, 2014. С. 116–141.
227. LeBlanc R.D. Food, orality, and nostalgia for childhood: Gastronomic slavophilism in midnineteenth-century Russian fiction // Russ. rev. Syracuse (N.Y.), Vol. 58. № 2. P. 244–267.
228. Lilienfeld F. Gogol als Verfasser der "Betrachtungen über die Göttliche Liturgie // Wegzeichen. Würzburg, 1971. S. 377–404.
229. Magarshack D. Gogol: A Life. London, 1957. Moor R Gogol's «Overcoat» // Partisan rev. N.Y., 2000. Vol. 67. №3. P. 470–473.
230. Seidel-Dreffke B. Überlegungen zur Interpretation von Gogol's «Nevskij prospect» // Wiener slavistisches Jb.=Viennese Slavonic yb. Wien, 1992. Bd. 38. S. 267–278.
231. Wozniak A. Gogol i Dostojewski. Od antropologii do bogocziowiczenstwa // Slowianie wschodni. Kraków, 1997. S. 121–125.